

ЧАСТЬ 3

Светлана с грустной иронией обвела взглядом каюту. Знакомая в прошлом картина: замкнутое помещение без дверей и окон, куда попасть можно только зная о существовании другого измерения, и не только зная, но и имея возможность в нём перемещаться.

Проснувшись утром в стремлении узнать о судьбе нового пассажира, девушка была неприятно удивлена, обнаружив, что находится не в своей каюте. Помещение было знакомо с самой первой встречи с кораблем и проведении здесь своих первых дней. Почему же она снова очутилась здесь, для неё осталось загадкой.

Прошло несколько часов, но её не соизволили навестить. Попытки связаться с кем-нибудь, потерпели полное фиаско. Устроившись в кресле, она постаралась запастись терпением и дожидаться развязки.

Появившейся в каюте Амон, обнаружил её в широком кресле. Подогнув под себя ноги, а руки сложив на мягком подлокотнике, положив на руки голову, она крепко спала, тихонько по-детски посапывая во сне.

Опустившись на ковёр возле кресла, он аккуратно убрал непослушную прядь волос с её лица. Остался сидеть рядом, с интересом и любопытством разглядывая девушку. Вероятно, спокойные сны ушли, уступая место кошмарам. Она беспокойно заворочалась, разметывая волосы по подлокотнику. Вздрыгнув, проснулась. Открыла глаза и отпрянула, прижимаясь к спинке кресла, увидев рядом Амона.

По-прежнему сидя на ковре, он дружелюбно поинтересовался:

— Кошмары снились?

Девушка наморщила лоб, вспоминая. Покачав головой, призналась:

— Не помню. Может, ничего не снилось.

И тут же задала вопрос, над которым билась уже несколько часов:

— Почему я здесь?

— Тебе здесь не нравится? — вопросом на вопрос ответил Амон.

Светлана пожала плечами:

— Нормально, удобно, но вызывает чувство тревоги.

— От чего же?

— Любой человек проснувшись не там где засыпал, задастся вопросом, что случилось? — девушка вопросительно посмотрела на Амона.

— Так нужно, — коротко ответил он по-видимому считая, что это достаточный ответ на вопрос.

— Что с Саймоном? — вспомнив о ночном госте, спросила девушка.

— Не умер, — с усмешкой отрезал Амон, предупреждая второй вопрос, который неизбежно последовал бы за первым.

— Но почему меня не предупредили? — снова попыталась выяснить причину своего перемещения Светлана. — Почему меня используют как марионетку? Кто Вам даёт на это право?

— Могу напомнить, — любезно ответил Амон. Потянувшись, взял левую руку девушки провёл большим пальцем по клейму. Отзываясь на прикосновение, чёрный череп с кинжалом ярко заискрился, подобно росе под солнцем. Алые руны вокруг черепа

засветились своим, внутренним огнём. — Это тебе что-нибудь говорит? — поинтересовался Амон, не выпуская руку. Заглядывая в лицо.

Татуировка, по-прежнему сверкала маленькими бриллиантами, привлекая к себе внимание.

— Это клеймо, — ответила девушка, невольно любуясь игрой цветов на татуировке. Было красиво и непривычно. Такое она видела впервые. С трудом оторвав взгляд, она перевела его на Амона и добавила: — Ваше клеймо и Дорна.

— Остановимся на моём, — великодушно разрешил Амон выпуская руку.

Сверкнув последний раз, череп почернел, руны погасли.

— Оно - моё право поступать так, как сочту нужным. — Амон усмехнулся. — А теперь отвечу на первый твой вопрос. — Ты в этой каюте, именно потому и находишься, чтобы жить, хочется тебе или нет. На судне создалась угрожающая ситуация. Для людей, — подчеркнул он. — Я решил, что лучше тебе находиться здесь.

— На корабль напали? — не в силах поверить, уточнила девушка.

— Натурально, нашлись смельчаки.

— Почему корабль не ушёл в другое измерение?

— Разве Дорн проявит слабость перед смертными? — сверкнув глазами, спросил Амон.

— Он убил их? — с ужасом спросила девушка.

— Он велик и не считает нужным доказывать то, что является действительностью. Нет. Он снисходителен к людским шалостям, но жесток к тем кто переступил границу. Нарушившие её, видят его истинным Властелином Тьмы. Властелином Преисподней. Эти нападавшие отделались только лёгким испугом.

Покачив головой, Амон с усмешкой заметил:

— Судя по их вооружению, намерения были самыми серьёзными. Что им стоило опустить на дно какой-нибудь океанский лайнер. Но тут «нашла коса на камень» и им самим пришлось в темпе смываться. Кстати, Саймон с ними.

— Правда? — обрадовалась девушка. — Он сбежал или его высадили?

— Скажем... Мы позволили ему сбежать, — снова усмехнулся Амон. — Зачем тратить на него время, когда такая великолепная «толпа» собралась вокруг яхты? Тут было гораздо интересней, нежели возня с перепуганным миллионером.

— Это были пираты?

— В какой-то степени, — лениво потянулся Амон, по-прежнему сидя на ковре, опираясь о локоть. Он посмотрел снизу вверх на девушку, растягивая слова пояснил: — Мафия. И не скажешь что наркомафия, ведь они промышляли всем, до чего могли дотянуться. Довольно-таки сильная организация, хорошо поставленная на ноги. Но босс был дураком. Впрочем, второй тоже недолго протянет. У него нет бойцовой хватки, конкуренты его задушат.

— Почему первый «был»?

— Потому что был, — скривив в усмешке рот, ответил Амон. Похлопав рукой по коврику, предложил: — Спускайся, а то с кресла высоко падать.

— Мне тут хорошо, — пожала плечами девушка и с любопытством поинтересовалась: — Почему я должна упасть? Кресло довольно прочное.

Последнее слово, она договорила уже на полу. Быстрый как гепард Амон приподнявшись, выбросил руку и схватив за лодыжку, мигом стащил с кресла.

Несколько секунд она сидела с растерянным видом, сначала пытаясь прийти в себя, а затем не зная как отреагировать. Ещё секундой позже, бросив гневный взгляд на Амона, Светлана опешила. Прищурившись, он лукаво смотрел на неё, явно наслаждаясь растерянностью. Озорство плясало в глазах.

Мысли пронеслись в голове и представив, как выглядело со стороны, девушка почувствовала, как где-то внутри зарождается и рвётся наружу, весёлый смех. Не в силах больше удерживать строгость и непроницаемость на лице, скинув маску, звонко, от души она рассмеялась.

Амон хмыкнув, молча но с удовольствием наблюдал за её реакцией.

Глубоко вздохнув, Светлана запоздало сказала:

— На последний вопрос можете не отвечать.

Она попыталась было встать, но Амон мгновенно отреагировав схватил за руку:

— Почему бы не посидеть на полу?

Немного поколебавшись, девушка покорно опустилась на ковёр.

— Вот так-то лучше, — заметил Амон. — Хоть я не ангел, но приятно когда идут на встречу и добровольно делают то, что попросят. Не надо тратить энергию и силы, заставляя.

— Признаться, мне непонятно. Зачем заставлять?

Амон живо подхватил:

— Правильно. Поэтому лучший выход — подчиняться моим приказам.

— Я не это имела в виду, — озадаченно возразила Светлана.

— Я знаю, что ты хотела сказать, мол это люди и подходить к ним нужно по-человечески. Но тут небольшой нюанс, так сказать маленькое различие. Я — не человек. И это даёт мне право поступать так, как сочту нужным. Впрочем, мы говорили об этом. — прищуриль глаза, Амон посмотрел на девушку, растягивая слова, сказал: — «Мы» проходили это и «мы» быстро усваиваем. Ведь так, Светлана? — Светлана не спешила с ответом, он повторил. Резкие нотки прозвучали в вопросе: — Ведь так?

Выжидающе посмотрел на девушку. С неохотой, она еле заметно кивнула. Удовлетворённый таким ответом, Амон повернувшись, облокотился на второй локоть, теперь он полулёжа смотрел вверх.

— Сдаётся мне, тут слишком светло, — деланно вздохнув, добавил: — Никакой романтики, — по-прежнему смотря в потолок, он не увидел удивлённый взгляд девушки. — Впрочем, — продолжал он, — современное освещение мне никогда не нравилось. Куда приятнее видеть огонь, нежели лампочку.

— Тут нет лампочек, — заметила Светлана, оглядываясь вокруг. — Тут нет никаких осветительных приборов. Просто светло и все. Как будто сам воздух светится белым, дневным светом.

— Я предпочитаю огонь, — резко садясь, сказал Амон.

Освещение пропало. Непроглядный мрак окутал помещение, но это продолжалось недолго. В углах появились высокие серебряные канделябры, с зажжёнными свечами. Робкий, трепещущий свет озарил каюту. На коврах покрывающих стены заиграли тени, создавая фантастические рисунки и распадаясь, чтобы вновь сойтись в невероятном узоре.

— Так лучше, — довольно сказал Амон. Обернулся к сидящей неподалеку от него девушке. — Поддержим романтическую обстановку. Сядь рядом.

Оцепенев, девушка не спешила выполнить его указания. Он сам пододвинулся. Протянув руку, убрал волосы упавшие на лицо. Провёл ладонью по щеке, словно стирая слезу.

Вздвогнув, девушка попыталась отстраниться, но стоявшее позади кресло остановило движение. Насколько можно она вжалась в его мягкую обивку.

С лёгким разочарованием, Амон посмотрел на неё, но больше попыток дотянуться не делал. Снова опустившись на локоть. Он пристально посмотрел в глаза. Девушка заволновалась, уловив нечто необычное во взгляде. Оно завораживало и притягивало, зазывало к себе. Не в силах отвести глаза, она смотрела на него, чувствуя как истома охватывает тело, делая податливым и наполняя энергией требующей неизведанного и волнующего. Ей внезапно захотелось ощутить близость тела, поцелуй. Амон, вероятно почувствовав её желание сел рядом, по-прежнему заглядывая в глаза. Обнял, поцеловал в губы медленно и нежно, словно пробуя на вкус. Глубоко вздохнув и почти со стоном выдохнув, девушка попыталась ответить. Ощущая, как тепло разливается по телу, охватывая руки и ноги до кончиков пальцев. Закрыла глаза, погружаясь в негу, утопая в ней, чувствуя только руку обнимающую талию и губы целующие лицо, медленно опускающиеся к шее. Острое желание почувствовать боль, вытесняя все чувства, становилось всё сильнее и сильнее. С внутренним трепетом, растворяясь и изнемогая в сладостной истоме, она прижалась к нему, желая ощутить боль, как высшую степень наслаждения. В неге, она мысленно умоляла его вонзить клыки в шею, которую сейчас нежно целовал.

Внезапно, Амон отстранился и отпустив её сел поодаль, прищурился, наблюдая.

Девушка открыла глаза, удивлённо и разочарованно посмотрела на дьявола. Ей казалось, что её в чём-то обделили, не дали того, чего она желала всей душой и телом.

— Хватит, — сказал Амон резко проведя рукой по воздуху, очерчивая между ними границу, разрубая невидимую нить.

Девушка вздрогнула. Вуаль магии спала. Нечто завораживающее исчезло в глазах дьявола, а вместе с ним исчезла и истома совсем недавно владевшая ею.

— Теперь ты имеешь представление о магии вампиров. Вот почему, жертвы не в состоянии оказать им сопротивление, — сказал Амон, по-прежнему наблюдая. Слегка наклонившись, добавил: — Сейчас убедились? Мне ничего не стоит, заставить тебя делать то, чего возможно совсем не желаешь делать. Сознайся, ты хотела, чтобы я причинил тебе боль? — еле заметно усмехнувшись, заметил он.

Все ещё выбитая из колеи, столь сильными ощущениями, девушка задумалась. Удивлённо подняла глаза:

— Да... Мне действительно хотелось, — улыбка мелькнула на лице. — Вы умеете подбирать аргументы. Я не могу возразить. Это действительно факт.

— Тебе было хорошо? — прищурился он и тут же добавил: — Не отвечай. Я знаю, это так, иначе быть не могло. Повторить, но без магии?

Амон потянулся к ней.

— Нет, — отрезала Светлана, прижимаясь к креслу.

Но Амон не стал дотрагиваться, он снова расположился на ковре, опустившись на локоть.

— Но.... Как это вышло? — девушка растерянно посмотрела на него. — Я во всём отдавала себе отчёт. Контролировала себя. Это совсем не похоже на гипноз, где полностью отключаешься, уходишь от реальности.

Она задумалась. Дьявол молчал, не перебивая её мысли. Подняв голову, девушка спросила, и любопытство плясало в глазах:

— Амон, почему остановились? После, когда я очнулась, предложили повторить заранее зная, что я откажусь?

— Почему остановился? Я показал, как может быть в действительности. Поверь, и без магии ощутишь всё. Но в большей степени, нежели с ней. Пропадёт желание чувствовать боль, и может быть.., — он внимательно посмотрел в лицо. — Ты забудешь страх. Я хочу, чтобы ты сама пошла мне навстречу, — голос переменялся, стал глубоким, бархатным, зазывающим. — Лишь единицы ощутили это. Почему бы тебе ни попробовать? Зная чувства и мысли, можно слиться разумом, стать единым целым. Я могу показать любовь, которую люди называют «неземной», и поверь мне, она заслуживает такое название.

Девушка содрогнулась, словно от озноба. Она молча слушала дьявола.

Он продолжал бархатным голосом:

— Я знаю, что ощутив дыхание любви, ты перестала бояться. Образ мой тебя уже не пугает. Но что-то удерживает тебя. Религия? Ты боишься согрешить?

Светлана изумлённо уставилась на него:

— Не знала, что это может быть грехом. Разве любить – грех?

Амон неопределённо повёл рукой, хмыкнув, весело сказал:

— А чёрт его знает, что ОН там выдумывает! Продать душу – грех, но я не требую её у тебя. Я только хочу, чтобы ты взглянула на мир под другим углом. Ничего извращённого, не предложу. Мне нравится твоя душа светлая и чистая. Пусть она такой и останется, хотя, мне ничего не стоит испоганить её, уж в этом-то я мастер.

— Не сомневаюсь, — согласилась девушка. — Но почему, любые отношения с дьяволом могут считаться грехом?

Зло усмехнувшись, Амон уже своим обычным голосом ответил:

— Саваоф слишком справедлив и в силу своей справедливости, попустительствует дьяволу в его кознях к человеку, оступившемуся на жизненном пути. Он тоже не идеал. Какой-то параноик. Действует по принципу: Кто не со мной, тот против меня. А дальше, ещё хуже: Кто с тем, кто против меня, тот отвергается мною. Не глупость ли это? Разве разумные люди так поступают, а уж тем более, высший разум. Где-то ОН в заповедях явно переборщил, — снова изменив тембр голоса, он продолжал свои рассуждения: — Значит, мы пришли к тому, что тебя страшит только то, что я дьявол из преисподней. Будь я ангелом, всё было бы иначе? — он выжидающе посмотрел на неподвижную Светлану.

Она сосредоточенно наморщив лоб, слушала. На заданный вопрос неуверенно, запинаясь, сказала:

— Наверное... Было бы иначе.

Криво усмехнувшись, Амон вкрадчиво сказал:

— Ну, да. Нимб над головой всё упрощает. Что бы ангел ни сделал, всё будет покрыто ореолом святости. Зачала ребенка оставшись девственницей, да неизвестно от кого, и на тебе! Сын Бога, а она засветилась святостью.

— О, не говорите так! — попросила девушка, не в силах слышать как коверкают святое писание.

Сверкнув глазами, Амон с иронией заметил:

— Богохульство тебе, я вижу, не по душе? Как говорить: «режет уши». Вот что я скажу, мы ничем не хуже ангелов. Они награждают, мы караем. В этом заключается равновесие мира. Даже... — усмехнулся, — заключаем сделки. Так сказать: приходим к консенсусу.

— Ну да, — не поверила девушка.

Глаза дьявола, вспыхнули огнём и мерцая, медленно погасли. Он жёстко улыбнулся, его клыки стали золотыми, отразив пламя свечей:

— Не веришь? Тогда почему я поставил на тебе клеймо и без согласия? Ведь ничто не происходит без ведома человека, особенно такие вещи. Его согласие — обязательно. Тут решение высших сил, мне дозволено было это сделать, и теперь ты принадлежишь мне.

— Пока жива, — уточнила Светлана. — Так Вы мне сами сказали.

Амон как гепард потянулся, с достоинством, не спеша. Быстрым, еле уловимым движением вскочил на ноги. Возвышаясь над девушкой, весело сказал:

— Ты правильно запомнила. Но кто сказал, что умрёшь? Немного подрастешь и раз... — он щёлкнул пальцами. — Останешься навсегда такой. Главное, чтобы не было ран ведущих к мгновенной смерти, а смерть от старости тебе не грозит.

— И как долго такое возможно? — прошептала девушка, не поднимая головы и разглядывая узор на ковре. — Как-то Вы сказали - вечно, но тогда я думала это игра слов.

— Напрасно так думаешь, я говорил правду.

— Изменения возможны? Непредвиденные обстоятельства?

— Сколько угодно! Что бы я не говорил, но самая большая вероятность, что убью тебя — я.

— Ещё, — потребовала девушка. — Об этом я уже догадывалась.

— Пожалуйста, — с готовностью откликнулся Амон. — Даже если смерть придёт к тебе, всё равно по какой причине. У тебя будет возможность сделать выбор: уйти к Создателю или остаться со свитой Дорна, и даже более того, стать королевой преисподней.

— Что? — округлились её глаза. — С чего это, такая честь?

— Ты сама. Твоя любовь и доброта к людям, она так нужна там.

— Да, как-то Барон говорил на эту тему. Но я не подозревала, что это может коснуться меня, — увидев, как Амон сурово и жёстко улыбается, она физически ощутила недосказанность и от этого сжалось сердце. Не желая неизвестности, спросила: — Есть ещё что-то?

— Да, — кивнул Амон. — Договор... И... — растягивая слова закончил: — Тебя не примут. Независимо от твоего желания и после смерти ты останешься с нами. — затем фыркнув, весело добавил: — А ты говоришь «святые». Хотя... — он замаялся, не зная продолжать ли.

Светлана выжидающе замерла. Увидев немой вопрос, Амон сказал:

— Дорн считает, что тебя послали к нам, заботиться о душах заблудших. У меня нет оснований не верить. И это означает только одно: ты останешься с нами. Но мы

сильно отвлеклись и ушли от главной темы, — нагнувшись, Амон подхватил девушку и поставил на ноги. Пламя в фитилях свеч затрепетало, будто подул ветер, безумные тени заплясали хороводом по стенам каюты. Обняв и прижав к себе, сказал: — Не буду торопить. Я только продемонстрировал, как может быть прекрасно, пожелай ты этого.

— Я могу сойти с ума или покончить жизнь самоубийством, — заметила девушка, невольно отмечая, что ей приятны объятия. Она чувствовала себя защищенной в его руках, не смотря на то, что это были руки дьявола. Их прикосновения кружили голову, заставляли быстрее биться сердце от упоительного ощущения близости.

— Сойти с ума тебе не грозит, и ты не убьёшь себя, — шепнул он на ухо и легонько поцеловал, еле ощутимо. Будто коснулся кончиком пера. — Я отправлю тебя в твою каюту, — сказал, отстраняясь и с усмешкой заметил: — Если для тебя так важно. То я тоже ангел, — увидев изумление мелькнувшее в её глазах, улыбнувшись, уточнил: — Чёрный.

Светлана внезапно оказалась в своей каюте, к великой радости Пса, который хозяином разлегся на постели, сливаясь в единое целое со шкурой чёрной пантеры. Соскочив, он весело запрыгал вокруг девушки, угрожая сбить с ног. Игриво хватая ногу страшными клыками. Но Пёс не оставил даже и царапины, настолько был деликатен.

Потрепав за загривок, девушка в надёжном сопровождении покинула каюту, вышла на палубу.

Прислонившись к перилам, устремила взгляд на полыхавший огнём закат.

Солнце ещё не ушло за горизонт, а грозовые тучи клубившиеся на западе, грозили поглотить его раньше, чем оно опуститься.

От красного заката и океан приобрёл алый цвет. Казалось кровь, омывает борта «Летучего голландца». Да и сам корабль потонул в этом цвете.

Казалось, весь мир погребён в потоки крови.

Пёс поднял морду к небу и внезапно завыл, дико и страшно.

Сыграв злую шутку, ласковое светило сверкнув последний раз пламенным лучом, растворилось в надвигающейся на океан грозе.

Не в силах слушать «ночную серенаду» пса, Светлана отвернулась от океана и направилась в кают-компанию. Оттуда доносились весёлые голоса и звон хрусталя.

ГЛАВА 7

В жаркий январский день, когда солнце сияло в зените, на пыльной площадке, что находилась на пустыре за городом и служила здешним ребятам футбольным полем, появился мужчина лет сорока. Внимательно посмотрев на мальчишек, с криком и шумом вздымающих тучи пыли, сбивающие босые ноги об утрамбованную в цемент почву в погоне за кожаным мячом, он опустился на низкую скамейку, сколоченную из нескольких старых досок. Скрестив руки на серебряном набалдашнике длинной трости изображающей сжатую когтистую лапу, положив на них подбородок, мужчина заинтересованно принялся наблюдать за ходом игры. Но он был не единственный, кто

столь же пристально и напряжённо следил за мячом, который подобно маятнику, кочевал с одного конца поля в другой, и в этой паре глаз кроме интереса, горела жгучая зависть. Слезы обиды были готовы по малейшему, может безобидному поводу, появиться на свет прокладывая влажные дорожки по юным щекам. Свежая царапина и подбитый глаз этого создания наталкивали на мысль, что совсем недавно он довольно горячо, отстаивал свои права или интересы. А если кому-то удалось бы проследить куда кидал подбитый глаз взгляды, в которых помимо зависти и обиды явно проглядывала ненависть, то обнаружил бы и обидчика, этого маленького человечка.

С громким хлюпаньем втянув воздух и прерывисто выдохнув его, мальчик привлёк внимание мужчины сидевшего рядом с ним на одной скамейке.

Мужчина выпрямился. Поднял голову с рук, внимательно посмотрел на своего соседа. Тот, не замечая этого взгляда, продолжал следить за игрой и за высоким подростком находившемся в гуще событий и взявшего на себя обязанности капитана команды.

Мальчуган вздрогнул от неожиданности, когда рядом прозвучал низкий голос. Он с сочувствием спросил:

— Не взяли?

Для мальчика у которого вся жизнь в данный момент была заключена в футбольном поле, столь короткий и неопределённый вопрос, был вполне ясен и полон содержания. Шмыгнув носом и утерев его рукой, которая оказалась ко всему прочему содранной на локте, прерывисто вздохнув, ответил не поднимая головы и не разглядывая человека проявившего к нему участие. Ему достаточно было только вопроса, чтобы вся переполнявшая душу обида и зависть выплеснулись наружу:

— Нет. Говорят, мал ещё, — его голос предательски дрогнул и зазвенел возмущением. — А сами-то всего на четыре года старше.

— Да. Разница чисто условная, — серьёзно согласился с ним мужчина.

Глаза мальчика подозрительно заблестели, сглотнув и подавив спазмы в горле предвещавшие позорный рёв на глазах победителя, он продолжил дрожащим, срывающимся голосом:

— Мне уже шесть лет и шесть месяцев, я вполне могу постоять за себя и сразиться за мяч.

— Тебе шесть!? — удивился мужчина, желая польстить малышу серьёзно заметил: — Признаться, ты выглядишь гораздо старше. Ты уже мужчина!

— Да, — согласился мальчик, наконец отрывая взгляд от поля и бросая его на собеседника. Вскинув голову, заявил: — Вот ещё немного подрасту и тогда он своё получит!

— Не сомневаюсь, — кивнул мужчина и серьёзно предупредил: — Но тогда, тебя могут не взять в команду.

— Больно мне нужна эта команда и этот дурацкий футбол! — дрогнувшим голосом заявил мальчик, но голос выдал его переживания. — Есть и другие команды и гораздо лучше этой. Даже тренеры из больших городов приезжали выбирая лучших. У них, — мальчик метнул взгляд в поле. — Нет ни единого шанса стать знаменитой командой, играть в лиге, — подозрительно посмотрев на мужчину, мальчик спросил: — Вы не тренер случайно?

— Нет, я не тренер, — покачал головой мужчина и уловив разочарование на лице юного создания, добавил возвращая интерес мальчика к своей особе: — Но я знаком со многими тренерами и мастерами. И они ценят мои советы.

Мальчик всем телом повернулся к мужчине. Игра на поле была забыта.

Поёрзав на скамье и для удобства подложив под себя ногу, а другой ногой покачивая в воздухе, он густо покраснев, застенчиво спросил:

— А они не ищут себе учеников?

— По футболу - нет. Но я знаю замечательного тренера, все его бывшие ученики, в своё время, стали знаменитостями. Ему нужен ученик... — искоса посмотрев на мальчика, мужчина равнодушно бросил фразу, зажегшую заинтересованность и надежду в его глазах. — Он тренер по кикбоксингу. Это новый вид спорта, но скоро он займёт одно из первых мест в мире, по популярности.

— Кикбоксинг, — вздохнул с восторгом мальчик. — Это я понимаю. И никто не встанет на пути. — Он бросил грозный взгляд на футбольное поле, где пыль поднятая ногами, стлалась туманом над землёй скрывая фигуры игроков. Подобно теням, они скользили в сером мареве.

— Побойтесь, это уж точно, — согласился мужчина. Предупреждая вопрос мальчика. Он внимательно посмотрел на него и серьёзно, как если бы обращался к взрослому, сказал: — А вот тебя я порекомендовал бы этому тренеру. В тебе есть бойцовая хватка и сила воли необходимая для победы.

Снова покраснев, мальчик вскинул глаза и с благодарностью посмотрел на мужчину, который со всей серьёзностью подошёл к его мужским качествам. Так серьёзно и с пониманием, с ним ещё никто не разговаривал. Он попытался поддержать разговор двух мужчин.

— А тренер. Он в нашем городе?

— Нет. Он очень далеко отсюда, — заметив, как голова мальчика огорчённо поникла, добавил: — Но могу отвезти к нему. И я уверен на все «сто» он возьмётся за твоё обучение.

Глаза мальчика посветлели:

— Правда? — он бросил предупреждающий взгляд на своего, ничего не подозревающего обидчика, перевёл его на мужчину и деловито осведомился: — Когда?

— Видишь ли... — задумчиво признался мужчина, внимательно разглядывая трость и вычерчивая её концом в пыли какие-то знаки, иероглифы. — Тут есть некоторые проблемы, — метнув пронизывающий взгляд на мальчика, снова вернулся к трости. — Ты католик?

— Да, — с гордостью признался мальчик.

— И даже поёшь в церковном хоре, — не спрашивая, а подтверждая, сказал мужчина и сожаление прозвучало в его голосе.

Уловив эти нотки, мальчик заволновался:

— Да. Пою. А как Вы узнали?

— Юноша с таким приятным голосом не может, не петь гимны, восславляющие создателя.

Словно признавая в нём великого певца, мужчина слегка склонился в поклоне. В невысказанном удовольствии, мальчик снова поёрзал на скамье и опустив вторую

ногу, облокотившись ладонями о сиденье позади себя, весело заболтал ногами в воздухе. Но озадаченно замер, услышав огорошившие его слова мужчины:

— Он не возьмёт в ученики католика.

— Почему? — убитым голосом спросил мальчик и глаза его подозрительно заблестели на жарком солнце.

— Потому что сам не католик и не признаёт никаких религий, кроме почитания свергнутого ангела. Он служит только ему

— Кто это «свергнутый ангел»? — заинтересовался мальчик.

— Ты посещаешь церковь и не знаешь, кто это? — изумлённо вскинул брови мужчина и так озадаченно посмотрел на своего собеседника, что тому стало неловко.

Покраснев, на этот раз от стыда, он поёрзав по скамье, кривя душой не желая показаться неучем, сказал:

— Да, знаю я его. Только... Забыл, — уводя глаза в сторону, замолчал.

Мужчина, оставшись довольным ответом, посоветовал:

— Никогда и никому не говори, что ты этого не знаешь. Тебя поднимут на смех.

— Хорошо, — кивнул мальчик и безмятежность снова вернулась на его лицо. — Я никому не скажу. А как же тренер?

— Тренер? — переспросил мужчина. — Он будет тебя обучать если перестанешь быть католиком. Его же веру принимать не обязательно. Атеисты - так вроде называют людей без веры? Просто будешь одним из них. Возможно, тебе придётся по душе вера тренера. Не исключено, что она поможет тебе в период обучения.

— О, да! Я буду во всём подражать своему тренеру, — воскликнул мальчик, с удовольствием наблюдая, что его слова пришлись мужчине по душе.

— Не торопись, — посоветовал тот. — Обдумай моё предложение. Ты же взрослый. Подпишешь контракт, а родители будут получать некоторую сумму денег, до твоего совершеннолетия. Впрочем, и ты будешь получать маленькую стипендию. Думаю, где-то сотню долларов в неделю...

— О! — округлились глаза мальчика, и открылся рот. Такое количество денег ему и не снилось. Стараясь подражать взрослым, он деловито осведомился: — А родителям сколько дадите?

Мужчина взглянул с одобрением, ласково, словно он уже начал оправдывать возложенные на него надежды. Стукнув тростью о землю, сказал:

— Отличный деловой подход. Ты уверен, что хочешь стать борцом? Из тебя выйдет отличный бизнесмен.

— Нет, хочу быть сильным и знаменитым, — твёрдо ответил мальчик.

— Хорошо. Тогда о твоих родителях. Ежемесячно будут получать, перечислением пять тысяч долларов. Как я уже говорил, до твоего совершеннолетия. Теперь иди домой и посоветуйся с ними. Потом придёшь сюда и мы подпишем контракт.

— А разве Вы не пойдёте к ним? — неуверенно спросил мальчик.

— Но ты же взрослый, — удивился мужчина, — объясни сам. Скажи, что сам решил устроить свою жизнь. И если они тебя любят, они одобряют твоё решение.

— Я уже решил, — вскакивая со скамьи на землю, заявил мальчик.

— То есть, ты готов подписать контракт? — прищутив глаз, уточнил мужчина.

— Конечно! — согласился мальчик из боязни покинуть площадку даже на минуту. Этот мужчина мог испариться так же как и появился, или еще хуже, предложит другому мальчику то, что только что предлагал ему. Нет. Нужно решать сейчас и немедленно. — Где подписываться? А подпись родителей нужна?

— Зачем родителей? Договор заключается с тобой. Вот только. Мне интересно насколько сильно хочешь стать тем, кем я тебе предлагаю?

— Очень сильно. Но... Вы не шутите со мной?

— Нет. Всё серьёзно настолько, что подпишешься своей кровью... Ты ведь не боишься уколоть палец Эдсон? Будущий чемпион не должен бояться такой мелочи.

— А я и не боюсь! — с вызовом выкрикнул Эдсон, стараясь скрыть легкий озноб страха.

— Я не ошибся в тебе, — вызывая в душе мальчика чувство гордости, сказал мужчина. — Ты тот, кто нам нужен.

Откуда-то появился огромный чёрный кот. Оглядев футбольное поле, пронзительными зелёными глазами, нагло запрыгнул на скамью где сидели мужчина и мальчик. Мальчик восхищённо уставился на грациозное животное.

— Нравится? — спросил мужчина. Получив подтверждающий кивок, милостиво разрешил: — Можешь погладить, — и с укоризной обращаясь к коту: — Юм, пусть молодой человек дотронется до тебя. Будь терпелив.

Пока мальчик в упоении водил рукой по шёлковой шерсти животного, мужчина вынул из воздуха скрученный в трубку свиток папируса.

— Эдсон, — обратился он к мальчику. — Прежде чем подписаться, ты должен узнать, что там написано. Ты умеешь читать?

— Нет, — потупил глаза мальчик.

Мужчина нахмурился:

— А подписывать своё имя? Если нет... То могут возникнуть некоторые трудности.

— Нет, нет, — воскликнул мальчик. — Своё имя я умею писать.

— Отлично, — довольно кивнул мужчина. — Можно конечно отпечаток пальца, но написанное своей рукой имя гораздо лучше. Я тебе прочту, что там написано и что ты обязуешься сделать. Слушай. Я тут опускаю строки, где говорится о твоём обучении сроком на десять лет. Дальше. Ты обязуешься приложить свое умение в защите жизни человека, с которым тебя позже познакомят. Быть с ним рядом, пока он сам не отпустит тебя. В свою очередь, мы обязуемся предоставить тебе жилье и полное обеспечение, в том числе и стипендию, до твоих первых побед. А так же перечисление денег, твоим родителям в размере пять тысяч долларов ежемесячно в течение десяти лет, или же немедленная выплата в размере шестисот тысяч долларов, но без дальнейших перечислений. Это будет выполнено по желанию того, с кем заключается сделка. Ну, вот если коротко. Есть вопросы?

— Есть, — мальчик замолчал, вспоминая. Затем подняв голову, спросил. — Что за человек которого я буду защищать? И почему я должен буду его защищать?

— Сначала согласишься, что тренируя, мы делаем тебе одолжение. Ещё ты получишь образование, причём самое лучшее. Нам нужны умные люди. Ты получишь всё: деньги, славу, образование. Никто из этих, — мужчина кивнул на

продолжающихся носиться по полю ребят. — Даже и не мечтают, о таком выигрышном билете. Ты согласен со мной?

Мальчик с восторгом кивнул.

— Ты согласен, что я вправе потребовать некоторой услуги? Ты же взрослый человек, подумай, что-то давая мы должны и взять. Так сказать... Компенсировать потери.

— Да, наверное, так справедливо. Но кто это будет?

Любопытство светилось в глазах мальчугана.

— Мой сын, — закидывая ногу на ногу, — сказал мужчина. Сделав жест рукой, добавил: — Не родной конечно, но он будет в этом мире самым близким мне существом. Возможно, он будет в опасности, понадобится всё твоё умение.

— Но я ещё ничего не умею. Как же я защищу его?

— Он ещё не появился на свет, — успокоил мужчина. — Он родится в Америке. Ему придётся некоторое время жить там. После, в Риме ты увидишься с ним. Как тебе это нравится?

— Очень здорово! — глаза мальчика сияли как звезды, он с восторгом взирал на мужчину. — А где я буду жить?

— Во дворце. Там есть очень большой дом. Он и сейчас дожидается своих жильцов. Подписывай контракт, и ты будешь на полпути к нему.

Мужчина протянул раскрытый свиток и золотую булавку с рубином на конце.

— Ты помнишь, что должен сделать?

Мальчик кивнул, со страхом поглядывая на острый конец иглы.

— Может, Вы меня уколите?

— Нет. — жёстко сказал мужчина и с сожалением встал со скамьи. — Это должен сделать ты сам. Мне жаль, по-видимому я ошибся...

— Нет. Не уходите! — воскликнул мальчик вскакивая следом. Закрыв глаза он с силой, удвоенной отчаянием, вонзил иглу в палец. Ойкнув, весело посмотрел на мужчину: — Видите, у меня получилось.

Мужчина развернул свиток и ткнул пальцем в пустующее место:

— Вот здесь впиши своё имя.

Высунув язык от старания, мальчик коряво и косо вывел имя, широко раскрыв глаза уставился на буквы, когда они на несколько секунд засияли нестерпимым для глаз светом.

— Теперь ты мой, — сказал мужчина, сворачивая свиток и отправляя в неизвестность. Мальчик с удивлением проследил, как он растворяется в воздухе.

— А разве Вы не будете подписываться?

— Буду, — соглашаясь, склонил голову мужчина. — Подойди ко мне. — Мальчик подошел к нему поближе. — Дай руку. Нет... Левую.

Эдсон вскрикнул от боли, когда его руку крепко пожали. Ему показалось, что раскалённое железо коснулось ладони. Вытерев слёзы, поднёс ладонь к лицу пытаясь понять, почему из-за простого рукопожатия была такая боль. И удивленно вскинул глаза на весело улыбающегося мужчину. На ладонке краснела выжженная, перевёрнутая пятиконечная звезда с иероглифом в центре.

— Моя подпись, — любезно пояснил ему мужчина. — Она не сойдёт, пока мой сын не отпустит тебя. И ещё, с этой минуты ты должен обращаться ко мне с почтением, говоря «сир». Я твой хозяин. Пойдём, тренер ждёт тебя.

Запинаясь, мальчик неуверенно сказал:

— А где он находится?

— Сир, — напомнил ему мужчина.

— Сир, — покорно повторил Эдсон.

— Он живёт в Париже, во Франции. Ко всему прочему, придется выучить французский язык, кстати английский тоже будет нужен. Мой сын будет американцем, и хоть он и будет образованным человеком знающим множество языков, разговаривать с ним ты будешь на его родном. Свой же португальский, если хочешь можешь забыть, он тебе больше не понадобится. Идём, лимузин ждёт нас.

Закончившие вничью игру ребята, с удивлением провожали глазами, уходящую к чёрному лимузину высокую фигуру мужчины одетого для столь знойного дня слишком тепло, семенящего следом мальчика, с которым капитан одной из команд обошёлся слишком уж сурово, и огромного кота важно шествовавшего впереди. Вся троица скрылась в лимузине. Подняв облако пыли, машина исчезла за углом дома.

Удивлённо переговариваясь между собой, ребята разошлись по домам. Но в одну семью, ребенок так и не вернулся. Поздно вечером, когда стемнело, вместо ребенка у дверей бедной семьи, которая подобно остальным в округе еле сводила концы с концами, появился кожаный дипломат с запиской. После прочтения, она растаяла в воздухе прямо в руках. В ней коротко и лаконично было написано: «За сына», и стояла подпись – Дорн. В дипломате оказалась груда денег.

Утром, преодолев тысячу километров, запylённый лимузин въехал в Рио-де-Жанейро.

Дорн покинул салон машины, испуганно озираясь за ним последовал мальчик (такой большой город он видел впервые). Кот мягко спрыгнул на асфальт и пристроился возле хозяина, не отставая от него ни на шаг.

— Следуй за мной, — приказал Дорн мальчику, направляясь к двухэтажному дому в окнах которого горели свечи. Ещё до того, как Дорн взошёл на ступени, двери широко распахнулись на обе створки, приглашая внутрь. С восхищением оглянувшись вокруг, мальчик поспешил войти в дом вслед за женщиной.

Двери за спиной вошедших с громким стуком закрылись.

Миновав длинный, тёмный коридор, они вышли в просторный зал освещённый множеством свечей, создающих уютную обстановку в доме.

Находившееся в зале при появлении Дорна живо вскочили, приветствуя его.

— Ай, какой симпатичный мальчик! — всплеснула руками Катерина, увидев позади Дорна испуганно смотревшего на присутствующих, мальчика. — Иди сюда, милый не бойся.

Стесняясь, неуверенно мальчик приблизился к красивой женщине.

— Как тебя зовут дитя? — заботливо склонившись спросила Катерина. Мальчик замялся, переступая с ноги на ногу.

За него ответил, стоявший поодаль рыжий мужчина:

— Эдсон, его зовут.

Оглянувшись, мальчик вздрогнув прижался к Катерине, она ему больше нравилась, нежели этот рыжий.

— Амон, — с укоризной сказала Катерина. — Зачем ты его пугаешь?

Оборачиваясь к мальчику:

— Садись рядом, Эдсон. Мы рады тебя видеть.

Сев в предложенное кресло, исподлобья разглядывая присутствующих, мальчик молчал. Мелодичный голос прозвучавший неподалеку на незнакомом языке, заставил его подняв голову оглянуться. К нему подходила девушка, одетая в чёрное, с кинжалом на поясе. Он с любопытством и восторгом уставился на кинжал разглядывая, пока перед его носом не появился стакан с напитком. Неуверенно взяв его, глотнул. Только теперь он понял, что умирал от жажды. С жадностью, не отрываясь, он опустошил стакан. Улыбнувшись и что-то сказав, девушка провела рукой по его тёмным курчавым волосам. Затем, взяв опустевший стакан, отошла в сторону.

— Выглядит очень уставшим, — заметила Катерина. Наверное, всю ночь не спал.

Мальчик, не понимающий ни слова из разговора но чувствуя дружественную обстановку, размяк, осоловел. Веки отяжелели и голова упрямо опускалась вниз, несмотря на все его усилия держать её прямо. Усталость взяла своё, и Эдсон вскоре заснул крепким сном.

— Валентин, — позвала Катерина. — Пожалуйста, отнеси мальчика на кровать, он так вымотался.

— А я, думаешь, не вымотался, — весело спросил Валентин. — Всю ночь гулять, знаешь, оказывается довольно трудное дело. Вот и Светлана уже почти спит.

— Пожалуйста, последнее усилие, — деланно нахмурилась подруга. — Я даже провожу тебя.

— Договорились, — оживился Валентин. — Сир, разрешите отнести мальчика в другую комнату?

— Разумеется. О чём разговор, — согласился Дорн располагаясь поудобнее в кресле с высокой спинкой.

Аккуратно подняв мальчика на руки, Валентин осторожно двинулся вверх по лестнице, Катерина следовала позади, что-то щебеча ему в спину.

Амон, проследив взглядом, спросил:

— Магистр, Это он?

— Да, — кивнул Дорн, — я нашёл его. И где бы вы думали? В Бразилии. Вот как в едином деле сплачиваются народы.

Девушка сидевшая в кресле, подняв голову поинтересовалась:

— Сир, зачем он Вам?

— Он защитит моего сына. Слово «сын» - я говорю образно.

— Он поможет в деле, — вставил реплику Юм, изогнувшись дугой, пожаловался: — Устал как собака, в этом чёртовом лимузине. И почему сир, не пожелал переместиться? Сколько бы времени сэкономили, и... сил.

— Я не хочу травмировать психику ребенка, — серьёзно ответил Дорн, сурово приказал: — Изер, Амон не трогайте его. Юм это и к тебе относится.

— Но как же, сир? — удивлённо воскликнул Барон.

— Мне нужен сильный человек. Амон не ломай его, и своему прикажи попридержаться страсти. Несколько лет, пусть он вообще не знает кто мы. Но внушайте ему, что его главная цель - служить человеку, к которому его позже приставят. Пусть он получит хорошее образование. Он умный мальчик, справиться.

— Магистр, — Барон всё ещё пребывал в сомнении.

— Всё так, Изер. Я вижу его великим человеком, до встречи с моим посланцем, он будет везде первым и в борьбе ему не будет равных. Амон позаботься об этом. Пусть он презирает людей и ненавидит их. Для него будет только один Бог — Я. А мой посланник - его возможность выразить, свою любовь и преданность. Да. Я вижу это.

Дорн встал с кресла и направился к дверям. Обернулся:

— Изер. Вечером, самолётом отправь его во Францию. Амон, устроишь всё остальное.

Дорн исчез.

Вскочившие с кресел Амон и Барон, вновь опустились в них. В руке Барона сверкнула стеклом пузатая бутылка.

— Отпразднуем начало Конца? — весело спросил он Амона, тот скептически поджал губы. Барон, пожав плечами поправился: — Ну, если вам будет угодно, то за «первый камень» заложенный в фундамент.

— Я тоже хочу за фундамент, — откликнулся с дивана кот. — И потом, ведь я привез его сюда, даже... — в голосе кота зазвучала гордость. — Он даже погладил меня. Той рукой, что будет в будущем, крушить кости и черепа. Он будет страшным человеком, безжалостным и жестоким. Он будет классным парнем!

— Подстать классному коту, — подразнил его Барон.

Проигнорировав реплику, Юм вскочил на стол потянулся, задирая голову к окну.

— Ба! Уже солнце взошло, — сообщил он, всем известный факт. — Значит нам пора, — кот выжидающе уставился на Барона. Тот, ехидно улыбнувшись, закончил фразу:

— ...Спать.

— Ну нет, — обиделся кот. — На ипподром! Будем делать ставки! Снимем весь банк!

— Это мысль, — кивнул Барон. — Но, мы ещё не оприходовали эту бутылочку. И потом. Я думаю, Светлане будет интересно посмотреть на бега, — хитро взглянув на сидевшую у телевизора девушку, подмигнув Амону, предложил: — Пусть ребёнок развлечётся... Юм, изобрети-ка нам закусочку. Только мышей попридержи для себя.

— Я сделаю лягушек, — подпрыгнул озарённый идеей Юм.

— Ты что, отравить нас хочешь? — подозрительно посмотрев на кота, спросил Барон. — Имей в виду, этот номер у тебя не пройдёт.

Юм горестно закатил глаза, искоса посмотрев на засыпающую девушку, изображая крик, шёпотом заметил:

— Вот так всегда! Стараюсь, стараюсь. Для вас же...

— В чём выражается «старание»? — Барон с любопытством посмотрел на кота.

— Как в чём?! Вы сегодня летите во Францию.

— И что же?

— Как что? Нужно потренироваться, а вдруг там любимым национальным блюдом будут кормить?

— Вот что Юм. Это «национальное блюдо» оставь себе и сооруди нам что-нибудь более знакомое.

— Жареную саранчу? — с готовностью уточнил Юм.

— Сейчас тебя живую заставлю есть! — рявкнул Амон теряя терпение. — Паяц несчастный. Удавлю.

— Спокойно, — отскакивая на всякий случай, попросил Юм. — Зачем так нервничать? Вижу, вижу. Гурманами вы стать не хотите.

— Отчего же, — внезапно успокаиваясь и ласково улыбаясь, Амон продемонстрировав клык, предложил: — От сырого. Ещё шевелящегося...

— Ну... Ну... — выжидающе замер Юм.

— ...Кошачьего мяса, я бы не отказался, — закончил речь Амон.

— Что за извращённый вкус! — возмутился кот. — Ему ещё и шевелящееся подавай! — фыркнул Юм. — Нет уж. Обойдётся икрой, грибочками, огурчиками и ещё кое-какой снедью.

— Это другое дело, — засмеялся Барон. — Оставим живое мясо, на потом.

— А вы надолго во Францию? — внезапно изобразив любопытство, поинтересовался Юм.

— Зачем тебе знать? — прищурился Барон.

— Да, так... На всякий случай, — «скромно» потупил глаза кот.

— Ничего, протухнуть не успеешь, — успокоил с издевкой Барон.

— Спасибо за заботу, — потянувшись за рюмкой, поблагодарил Юм.

Они появились на ипподроме, когда закончился первый заезд и длинная очередь в кассу, говорила о готовящемся втором. Некой однородной массой, бушующей страстями, были заполнены трибуны. Делались ставки, заключались пари. Четверка подошла к тотализатору и с интересом изучила показания счетчика. В фаворитах ходил жеребец под номером семь. Большинство ставок было сделано на него.

— Превосходно, — потёр руки Барон и оглянулся на стоящую позади троицу. — Пойдём по проторенному пути, или же воспользуемся экстраординарным способом получения денег?

— О чём речь? — удивился толстяк с зелёными глазами. — Разумеется, второй способ более интересен. Какой номер в опале?

— Как ни странно - первый, — отозвалась девушка, окидывая взглядом табло.

— На него сделаем ставку, — сказал Барон и отделившись от группы, направился к кассе. — Произведём фурор. Встряхнёмся малость.

Остальные двинулись к трибуне. Светлана с удивлением окинула взглядом раскинувшуюся панораму. По-видимому, здесь проводились не простые скачки. Вся местность была изрыта рвами, высокие аккуратно подстриженные кусты преграждали дорогу. Равно как и брёвна. Здесь верховые проходили сложный экзамен на выдержку, силу, ловкость, быстроту. С десятков скакунов уже стояло на старте, нервно прядя ушами, вскидывая голову, раздувая ноздри. Жокеев с трудом удерживали рвущихся скакунов.

Светлана обернулась, когда рядом прозвучал голос. Немного гнусавя, он сообщил:

— Четырёхлетки. Посмотрим на что они способны.

— Они будут проходить эти препятствия? — кивая в сторону рвов и кустов, спросила девушка.

— Да. Это называется стипл-чейз, — любезно пояснил Амон. — Но длина дистанции не велика, каких-то четыре тысячи метров. Последний забег будет на семь тысяч, это гораздо интереснее.

Светлана перевела взгляд за спину Амона. Там вернувшийся Барон, оживлённо жестикулируя, убеждал в чем-то своего собеседника молодого человека лет двадцати. Тот с сомнением на лице всё же внимательно его слушал, не перебивая, хмурясь и сосредоточенно разглядывая гарцующих на старте лошадей. Наконец, молодой человек соглашаясь кивнул, когда Барон показал ему какую-то бумажку. В восторге, Барон дружески похлопал парня по плечу и тот ушёл, держа направление к кассе. Барон двинулся к своим спутникам, и широкая довольная улыбка в сочетании с алчностью, которая светилась в глазах, придавали его лицу хищное и кровожадное выражение.

Светлана отвернулась, посмотрела на лошадей. Их уже выстроили, или точнее, пытались выстроить в одну линию перед стартом.

Прозвучал сигнал, взметнув в воздух тучи пыли, кони рванулись вперёд, пытаясь выиграть несколько драгоценных секунд.

Фаворит под седьмым номером, оправдав надежды, шёл впереди обойдя всех на два корпуса.

— Как красиво идёт! — довольно сказал Барон протягивая девушке бинокль

Светлана не могла не согласиться. Чалый конь, распустив чёрную гриву по воздуху, как комета летел над землей едва касаясь копытами. Играючи брал препятствия, оставляя далеко позади себя соперников.

— Да. Красавец, — повторил Барон, с видимым удовольствием разглядывая чалого. — Но ставки сделаны и сделаны не в его пользу. Где наш «первый»?

«Первый» шёл пятым. Им оказался светло-гнедой конь с чёрной гривой, саврасовой масти. В нём уже не было той непринуждённости и изящества, которыми владел чалый.

Изменения в строю произошли на третьем препятствии. Беря барьер между преградой из бревен и ямой с водой, «игрневый» шедший под вторым номером впереди «первого», пройдя барьер рухнул в воду. Жокей не удержавшись, перелетев через шею коня кубарем полетел по траве, к счастью не под копыта следующих следом скакунов. «Игрневый» с трудом поднявшись, сильно хромя покинул полосу препятствия. Жокей сняв каску, подхватил поводья и понутившись сошёл с дистанции, уводя подопечного в стойло.

— Один готов, — пробормотал Барон еле слышно.

Теперь «первый» был на четвертом месте, в то время как «седьмой» увеличивал расстояние между собой и соперниками, уносясь всё дальше и дальше к новым препятствиям.

Гнедой конь идущий следом за «седьмым», преодолев высокую живую изгородь по её другую сторону так и не появился.

После, подоспевшие спасатели вынесли оттуда на носилках жокея с продавленной грудной клеткой и открытым переломом ноги. Острый обломок кости, пронзив мясо и кожу, разорвав ткань, желтел над ступней, которая держалась на коже и сухожилиях неестественно извернувшись в сторону. Без сознания, жокей был бледным как смерть.

Светлана оторвала бинокль от лица:

— Зачем вам победа, достигнутая таким путём? — голос дрогнул, когда она спросила Барона.

— Нормальный путь, — пожал тот плечами. — Ничем не хуже других.

Светлана промолчала, оставшись при своём мнении. А на поле снова произошли изменения. Белый жеребец внезапно остановился, давая дорогу «первому». Жокей в недоумении пытался заставить его двигаться вперед, но белый только храпел, мотал головой, вставал на дыбы не желая продолжать гонку или не в силах преодолеть невидимую преграду. «Первый» же легко обойдя его устремился к последнему препятствию за которым была прямая дорога к финишу.

«Чалый» преодолев барьер припустил ещё быстрее, покрывая рвущейся из пасти пеной, грудь. Обогнав «первого» на четыре корпуса, «седьмой» имел реальный шанс прийти первым и стать победителем гонок второго заезда.

Трибуны ревели. Потрясая кулаками, люди словно пытались подстегнуть последние усилия скакунов, желая их увидеть скорее загнанными нежели проиграть ставку, которую сделали в стремлении увеличить свой капитал.

До финиша оставалось тридцать метров... Двадцать... Пятнадцать...

Девушка, уже с радостью констатировала, что Барон оставил свои шуточки, но в это время чалый споткнувшись, полетел на землю, сдирая шкуру до мяса, подминая под себя седока. Мелькнули в облаке пыли ноги, блеснули подковы. Мимо промчался «первый» и до Светланы, пронзая шум трибуны, донесся крик. Железные подковы коня, принимая на себя весь вес саврасового, пропороли, пропахали живот поверженного жокея и унеслись прочь, оставляя за собой распластанного человека с вывороченными наружу внутренностями.

«Первый» пришёл первым принеся Барону кругленькую сумму.

Девушка с ужасом отвернулась от поля где оставшиеся скакуны прошли финиш, и толпа людей кольцом окружила место происшествия.

Трибуна поредела, многие спешили к кассе делать новые ставки, рассматривать выставленных в следующий забег верховых.

— Разве нельзя выигрывать как-то иначе?

— Отчего же? Можно, — согласился Барон. — Можно выставить своего коня и поставить на него.

— Я! Я приму участие в скачках, — оживился толстячок.

— Что ж. Можно устроить, — Барон выжидающе посмотрел. — Когда думаешь продемонстрировать своё «мастерство»?

— В последнем заезде на семь тысяч метров. Если.., — толстяк замаялся. — Если Амон одолжит.

— Юм у тебя свой есть, — заметил Амон.

— Есть, — согласился Юм. — Но твой конь, мне больше нравится.

Амон презрительно скривился:

— Проныра. Леня своего материализовывать, — он замолчал раздумывая. Поднял голову, сверкнул глазами. — Хорошо, я дам тебе своего только чтобы посмотреть на представление, которое покажешь.

Юм возмутился:

— О каком представлении ты говоришь? Всё будет очень и очень серьёзно.

— Не верю, — возразил Амон. — Иди, он сейчас будет в стойле.

Юм поспешил смыться, и до седьмого заезда его не было слышно и видно.

Его имя прозвучало над трибунами, когда пришло время перечислять участников заезда.

— Дурачится Юм, — недовольно сказал Амон, когда на ломаном русском объявили имя представленного скакуна.

Светлана удивлённо вскинула глаза:

— Разве Вашего скакуна не зовут «Ночной призрак»?

— Разумеется - нет. Юм работает на публику. И я подозреваю, что публикой являешься ты.

— Я? — удивилась девушка.

— А для кого ещё, он даст русское имя коню? На всей трибуне не наберется и десятка людей знающих русский язык.

— Какое настоящее имя коня? Или он без имени, как Пёс?

— Он имеет имя. Но оно тебе ничего не даст. Для тебя будет просто набор звуков.

— Но смысл, то есть? — заинтересовалась девушка

— Есть, — Амон замолчал, по-видимому не желая продолжать разговор.

Но девушка не собиралась так легко сдаваться. Ей было любопытно и интересно. Она попросила:

— Скажите.

— Перевод гораздо длиннее, возможно, потеряется некоторый смысл. Он исказит реальное имя, — с неохотой сказал Амон.

— И всё же, — настаивала девушка.

— В общем, примерно звучит так: гордость преисподней, достойный хозяина. Или короче: адский конь. Но это, лёгкая тень реального имени.

Новый всплеск шума трибуны, обозначил появление скакунов на старте.

Подобно набежавшей волне, он нахлынул и медленно спал. Но в отличие от предыдущих заездов, где шум был постоянным сопровождением скачек, в последнем заезде он несколько изменился. Воцарилась гробовая тишина и только спустя некоторое время лёгкий шепот заскользил по трибуне, прерываемый возгласами выражающими высшую степень удивления.

На старте стояло с десятков лошадей самой разнообразной масти. Здесь были пегие, соловые, гнедые, вороные. По-видимому, последняя масть и вызвала столь пристальное внимание сидящих зрителей на трибуне.

Вороной конь, под третьим номером с лоснившейся на солнце шерстью, ничем не отличался от обычных вороных. Но другой.., под шестым номером. Явно не вписывался в эти рамки. Он был огромен. Гораздо больше и выше самого высокого скакуна представленного на скачках. Жокей одетый в алые одежды, казался каплей крови на спине коня. Чёрная сбруя терялась на чёрном теле животного создавая

впечатление, что он вовсе не взнуздан. Но всё это казалось мелочью в сравнении с тем, что представлял собой вороной. В отличие от другого вороного, отражающего свет, этот впитывал его. Подобно чёрной дыре, имеющей очертания коня, но не имеющей тела способного отразить лучи солнца. Они проникали внутрь и исчезали безвозвратно. Более внимательные зрители могли заметить, что он не отбрасывает тени. Как будто лучи света не встречали препятствия на своем пути. И эта глыба мрака жила.

Перебирая ногами и роя копытом землю, выражала своё желание развернуть туманную гриву по ветру и оставлять за собой пройденные мили.

Скакуны стремились, насколько возможно, отдалиться от вороного. Вокруг чёрного коня образовался некий вакуум. Казалось, он один стоял на старте, а позади признавая в нём императора, толпилась остальная свита.

Светлана повернулась к Амону, потрясённо выдохнула:

— Где Вы нашли такого коня?

— «Нашёл», — насмешливо фыркнул тот. — Я его создал.

— Как это? — не поняла его девушка.

— Силой разума, — увидев, что она не совсем поняла, Амон с ухмылкой добавил: — Как Он создал людей, так и я создал этого коня. Он живёт в другом измерении и требуется некоторая энергия, чтобы он воплотился здесь.

— У Юма есть свой?

— Есть, но как видишь, он предпочёл моего.

Прозвучал сигнал старта, и верховые ринулись вперед. Трибуна молча, наблюдала за скачками. Вопреки всяким ожиданиям, земля не дрожала под копытами чёрного гиганта. Он скользил над ней не приминая травы. Начиная брать препятствия за несколько метров до него.

Люди молчали, пытались понять что ЭТО.

Вороной пришёл к финишу, когда остальные скакуны, только дошли до её середины.

Он ворвался на финиш таким же холодным, каким был при старте. Жокей с видимым усилием осадил коня, останавливая его бешеный галоп.

Амон заметил:

— Юм попридержал его. Вороной так и не показал себя во всей своей силе.

— Он и так произвел фурор, — сказала Светлана. Хмыкнув, добавила: — Как ещё Юм не поднял его в воздух?

— С него станется, — откликнулся Амон, не сводя глаз со своего коня.

Там уже крутились люди, пытались прицепить к узде ленточку победителя. Жокей, спрыгнув с седла, притянул морду коня к земле, помогая им выполнить свою миссию.

Вороной вздрогнул всем телом, когда его коснулась рука человека. Отпрянул назад, натягивая поводья и угрожающе скаля зубы. Судьи поспешили ретироваться и оставить в покое это создание, тем более что к финишу приближались остальные участники гонок. Взмыленные, покрытые пеной лошади преодолев заветную черту, переходили на шаг, останавливались в ожидании, когда на спину накинута попону и отведут в стойло, где их ждала вода и корм.

Всюду сверкали вспышки фотоаппаратов, шныряла пресса с зажатыми в руках диктофонами и горящими сенсационным азартом глазами.

Чёрного победителя, суета царившая вокруг, стала раздражать. Оскалив зубы, он захрапел резко выдувая воздух через сжатые ноздри. Рванул назад, пытаясь уйти от вспышек фотоаппаратов и чёрных глаз телеобъективов. Жокей, крепко держа поводья, что-то весело сказал, обращаясь к стоявшим вокруг него людям.

Громкий хохот прозвучавший рядом с вороным, словно подстегнув его, заставил подняться на дыбы. Глухо заржав, чёрный гигант с силой опустил копыта на стоявшего поблизости человека, вминая в землю.

Закричали люди.

И новый удар, подкованных копыт обрушился на поверженного человека. И ещё один... и ещё.

Адский конь, словно обезумел от запаха крови. Его копыта мяти тело, выбивая зубы, выжимая кровь, кроша кости в порошок, втирая в землю мозги.

Остановился, кося бешеными глазами, угрожающе храпя. Повёл головой, выбирая следующую жертву. Жокей с ухмылкой на лице, ласково похлопал его по широкой груди и еле заметным движением взлетел в седло. Дёрнул поводья, заставляя коня сойти с месива человеческой плоти. Опять что-то весело сказал, шарахнувшимся в страхе людям. На этот раз им было не до смеха.

Угрожающие возгласы слышались с разных сторон.

Девушке достаточно было видеть их лица, интонации, чтобы понять, что оваций не будет.

Жокей снова улыбнулся, давая волю вороному бросил поводья. Сжал коленями бока, направляя на толпу.

Трибуна затихла в молчаливом ужасе, наблюдая как встав на дыбы, подминая под себя тела, чёрный гигант прокладывал себе дорогу, как многопудовый каток. Оставляя после себя гладкую дорогу и... реки крови.

Истошный женский крик разорвал тишину и послужил сигналом всеобщей паники. Люди бросились к выходу, сбивая друг друга с ног, топча упавших.

Весело покрикивая, жокей вороного, чёрной смертью носился у подножия трибуны давя и сминая неосторожных. Прозвучал выстрел, другой. Но они только разозлили скакуна. Поднявшись на дыбы он ринулся вверх по трибуне и сбитые люди летели в разные стороны, наполняя воздух криками боли и страха.

Над ипподромом повис запах крови.

— Остановите... Остановите его! — молила девушка своих спутников не в силах отвернуться от этого кошмара. Крупная дрожь волнами проходила по телу, заставляя трястись, будто в ознобе. — Амон, остановите его!

Тот к кому она обращалась, с любопытством кинул на неё взгляд. Еле заметно пожал плечами.

— Похоже Изер, нам здесь делать больше нечего, — сказал Амон, с иронией скосив взгляд на «разгулявшегося» Юма. Не дожидаясь ответа, громко свистнул, перекрывая людской шум и ржание лошадей в стойлах.

Светлана не успевшая зажать уши, на некоторое время оглохла.

Вороной замер, прядя ушами. Расширив ноздри и с шумом вдыхая воздух, он словно по запаху, направился к Амону высоко поднимая ноги, взбираясь по сиденьям

вверх. Люди, широкой полосой уступали ему дорогу и с надеждой поглядывали на ворота, ожидая появления блюстителей порядка. Но они не спешили, или не знали, о происходящем на ипподроме. Возможно, никто из находящихся в этой «мёртвой зоне» так и не смог дозвониться или передать сообщение каким-нибудь другим способом.

Конь подошёл.

Навис чёрной тенью.

Повеяло холодом.

— Шабаш Юм, — сказал Амон, поглаживая склоненную морду коня. — Ты и так натворил лишнего.

Глубоко вздохнув, Юм соскользнул вниз.

Конь резко вскинул голову, раздув ноздри втянул воздух, покосился на Светлану. С опаской посмотрев на огромные копыта, измазанные кровью и мозгами, девушка отодвинулась в сторону. Фыркнув, конь громко стукнул подковой об пол.

— Ну-ну, — успокаивая, сказал Амона. Взял под уздцы, обращаясь к Светлане, сказал: — Не бойся, подойди. Он помнит всех, кто был на его спине.

— И много их было? — спросила Светлана, не решаясь подойти к этому грозному животному.

— Из живущих людей - ты одна. Подойди, — приказал он, в голосе прозвучал металл.

С неохотой та приблизилась. Подняв руку, коснулась головы вороного.

Он вздрогнул, но через секунду, дружелюбно потерся мордой о её плечо.

— Пора, — напомнил Барон, оглядываясь вокруг.

Конь, медленно растворился в воздухе, оставив после себя вмятины на деревянном полу, ленточку победителя и ещё раненых, испуганных, искалеченных людей.

Компания направилась к выходу, никто не посмел преградить им дорогу. Наоборот, народ всколыхнувшись, поспешил убраться подальше с дороги, словно ещё существовала угроза быть раздавленным.

— Юм, что на тебя нашло? — полубопытствовал Барон, усаживаясь в салон лимузина.

— Терпеть не могу, когда мне не верят! — взъерошился кот, в неуловимый момент, превратившись из жокея в кота. — Говоришь правду, а они смеются!

— Когда ты говорил правду? — не унимался Барон.

— И ты туда же! — обиженно заметил Юм.

Барон пошел на уступки:

— Хорошо, предположим ты сказал правду. И что же ты сказал?

— Я предупредил, что конь сделает из них месиво, если не уберутся, и не перестанут фотографировать. Кстати Амон, как тебе новое имя коня?

— Много фарса. Почему бы, тебе не назвать его каннибалом? — ответил Амон, жестом приказывая водителю трогать.

Взвизгнув покрывками, автомобиль рванул с места, мягко откинув пассажиров на спинки. Амон добавил:

— И то, что тут произошло, конечно лишнее.

Барон поддержал:

— Я согласен с Амоном.

— Я так понимаю, Светлана того же мнения? — с вызовом вскинув голову, проговорил Юм.

— Можете не сомневаться, — подтвердила Светлана, отворачиваясь к окну.

Хитро сощутив глаза. Юм веселым голосом, в котором совсем не чувствовалось раскаяния, сказал:

— Признаю свои ошибки. Немного увлёкся.

— Это ещё не всё, — заметил Барон.

— Что ещё? — с готовностью откликнулся кот.

— Ещё изымешь фотографии и видео.

Кот вытаращил глаза:

— Но там же всё равно ничего не будет!

— Как же, как же, — не согласился Барон. — Толпа людей и в центре пятно, напоминающее коня.

— И я, — гордо добавил Юм.

— И ты, — согласился Барон. — Но только ты и будешь знать, что это ты.

— А кому ещё надо?

— Короче, — оборвал его Барон. — Изъятие фотографий, видео, информации будет на тебе.

— Нет проблем! — радостно воскликнул кот. — И всё-таки как я их!

— Нормально, — отмахнулся Барон. — Чёрт! Пора мальчика в Париж вести. Придётся как люди, по расписанию, хотя, что нам стоит задержать вылет.

Юм оживился:

— Будешь задерживать?

— Нет. Отправлю побыстрее, и делу конец.

— Смотри, поласковой с ним...там, — с ехидцей напомнил ему Юм и зашипел на зажавшего его ухо пальцами, Барона.

— Сам знаю, — нежно и ласково ответил тот, отпуская ухо кота.

Воцарилась тишина. Но ненадолго. Через минуту истошный вопль сотряс воздух в салоне.

— Стой! Тормози! — вопил кот.

Взвизгнули тормоза. Оставив на асфальте две полосы, автомобиль остановился. Театрально хлопая себя по лбу, Юм простонал:

— Забыл...Совсем забыл.

— В чём дело? — осведомился Барон.

— Возвращаемся, — скомандовал кот.

— В чём дело? — повторил вопрос Барон.

— Деньги забыли.

— Какие деньги?

— Которые я выиграл, — сверкнув глазами, гордо сказал Юм.

— Ты делал ставку? — вежливо поинтересовался Барон.

— Нет... А разве вы не ставили на меня? — с подозрением спросил Юм.

Барон в ответ только развёл руками. Вид у кота из довольного, превратился в обескураженный.

— Тогда зачем я, — он запнулся. — Тогда зачем всё это? Когда лучшие друзья, — голос медленно повышался, переходя в возмущенный крик. — Не надеются на мою победу... Не верят в неё! Такие деньги!

— Трогай. — спокойно приказал Амон шофёру, оставляя без внимания причитания кота.

Тот замолчал и обиженно насупился. Впрочем, ненадолго. Через пять минут он стал предлагать свои услуги (в которых якобы они будут остро нуждаться) в Париже.

Лимузин подъехал к особняку. Всю дорогу не проронившая ни слова Светлана, поспешила уйти в дом, оставив за спиной весело беседующих между собой спутников. Быстро поднялась наверх и скрылась в своей комнате. Закрыв дверь, облокотилась спиной о косяк. бездумно уставилась под ноги, пытаясь осмыслить случившееся на ипподроме. Судорожно вздохнув, пытаясь удержать слёзы, девушка отделившись от двери, медленными шагами пересекла комнату, тяжело опустилась в необъятный диван. Оперившись о локоть, полулёжа, она снова уставилась перед собой, машинально очерчивая пальцем узор шёлковой обивки дивана. Прошло с полчаса, прежде чем прозвучавший рядом голос, вывел её из оцепенения:

— В Париж не желаешь прошвырнуться?

Не отрывая глаз от рисунка, по-прежнему водя по нему пальцем, девушка медленно отрицательно покачала головой.

— От чего же? Я знаю, многие стремятся во Францию, — сказал Амон, возвышаясь над ней.

— Я так больше не могу, — прошептала девушка, поднимая блестящие слезами, глаза на дьявола. — Убейте или отпустите...

— Отпустить? Куда? — спросил Амон, садясь на край дивана.

— Просто отпустите и... Забудьте обо мне, — опуская глаза, тихо попросила девушка.

— Интересно, — с ленцой протянул Амон. — И куда же ты пойдёшь? Не зная португальского, не зная страны, не зная людей? Сразу хочу напомнить, что в посольство идти бесполезно. В этом ты уже убедились в Риме.

— Но Вам же не трудно отправить меня в Россию.

— Да. Но мне этого не нужно, — возразил Амон.

Промолчав несколько секунд, девушка еле слышно сказала:

— Тогда убейте.

— И это мне тоже не нужно, — покачал головой Амон.

Девушка резко вскочила на ноги. Глядя ему в лицо, жёстко отчеканила:

— Вы фашист, садист... Убийца, — голос звонко разнёсся по комнате.

Амон не меняя позы, с насмешкой смотрел на неё. В полуулыбке, поблескивая клыками, весело сказал:

— И этим ты хочешь разозлить меня? Я даже соглашусь с тобой. Всё, что ты сказала - чистая истина.

Раздраженно притопнув ногой, девушка беспомощно оглянулась вокруг, подыскивая более подходящие аргументы. Придумав, с вызовом посмотрела на развалившегося на диване Амона, подойдя к столику, демонстративно перевернула его. Зазвенел разбивающийся фарфор, с шумом полилась вода. Смахнула с каминной полки подсвечники, статуэтки, слушая, как они разбиваются об пол. Сдёрнула

гардины. Попыталась их разорвать, но тут же бросила эту пустую затею, они оказались ей не по силам. Посматривая на Амона, перевернула кресла.

Амон, не меняя своего положения на диване, с иронией прищурившись, с явным удовольствием наблюдал за её попытками учинить разгром в комнате.

— Клянусь Адом! — пробормотал он. — Это мне нравится!

Дождавшись, когда она запыхавшись остановится, сказал:

— Садись, передохни... Тут ещё много вещей дожидается своей очереди.

Глубоко вздохнув, девушка опустилась на диван.

— Убейте меня, — снова попросила она его.

— Успеется, — отмахнулся Амон. — А пока поговорим. Обсудим то, из-за чего ты так расстроилась.

— Нет! — Светлана вскочила на ноги. — Вы опять затуманите мне голову своими доводами, которые покажутся мне вполне логичными и разумными... Но, что Вы сможете сказать о том, что произошло? Я своими глазами видела, как Юм топтал людей без всякого на то повода. Вы говорили, что убиваете когда бросят вызов, но там-то его никто не бросал!

— Девочка моя, в этом виноват не Юм, а мой конь.

— Юм сам сказал «как я их», — заметила девушка.

Амон махнул рукой.

— Бахвалился.

Светлана опустилась на диван. Мрачно, недоверчиво посмотрела на дьявола. Тот, словно не замечая её недоверие, сказал:

— Помнишь, я сказал как его зовут?

— Примерно, — призналась с неохотой девушка. — Что-то там о достойном своему хозяину.

— Вот! — оживился Амон. — А как ты только что меня назвала? Убийцей? Фашистом? Значит, мой конь достоин такой оценки. Он моё отражение. У дьявола-убийцы какой должен быть конь? — он выжидающе посмотрел на Светлану. — Только какого коня я мог создать?

— Палача, — хмуро пробурчала девушка. Отвернулась к окну. — Я не могу больше видеть всё это. Отпустите?

— Та-а-ак, — насмешливо протянул Амон. — Я вижу «мы» уже подумываем о самоубийстве? Если надеешься избавиться от нас таким способом, то бесполезно... Наоборот, ты навечно останешься в царстве Хозяина Ночи. Все самоубийцы принадлежат Аду.

Амон вскочил с дивана, возвышаясь над девушкой проникновенно, убеждая, сказал:

— Девочка моя, ты стала свидетельницей ситуации, когда создание Ада появилось в этом мире. Он мог быть спокоен, а мог и взбеситься. Даже я, затруднился бы предсказать его реакцию. Как позже мы убедились, он предпочёл второе.

— Почему сразу не остановили? — подозрительно спросила девушка.

Амон возразил:

— Он делал то, для чего и создан. Как тебе объяснить... Это как игрок, забивающий мяч в ворота, после того как прозвучал сигнал «вне игры». Будь я верхом,

он бы меня послушался. А так, я только наблюдал, как он высказывает свою ненависть к людям. Он был тем самым игроком, забивающим мяч «вне игры».

— Я тоже человек, почему он не затоптал меня?

— Всё та же причина, по которой пёс так охотно признал в тебе друга. Клеймо отталкивает всё живое и притягивает созданий Ада. В каждом, в ком присутствует дух хаоса, ада, признаёт в тебе своего друга... хозяина.

Амон вопросительно склонил голову:

— Я убедил тебя? Ты уже расхотела умирать?

— Вы сам дьявол, — пробормотала девушка. — Дьявол - искуситель.

— А кем я ещё могу быть? — весело спросил Амон, поднимая брови в изумлении.

Соглашаясь, девушка качнула головой:

— Действительно... Больше никем. Но и этого более чем достаточно. Но... Я помню, как Вы сказали Юму, что он «устроил лишнее». Если виноват конь, то причём здесь Юм?

— Ну, да... конь. Натурально конь, — подтвердил Амон. — Юм его только подначил, а остановить уже не сумел.

— Не верю, — покачала головой Светлана.

Оставив без внимания её слова, Амон опустился на диван. Обвёл глазами комнату, рожу перекосило смешком. Оставляя усмешку на лице, удобно раскинувшись по дивану, скосив глаз на девушку с безразличием сказал:

— Ты тут так потрудились. Пожалуй... Я отправлю тебя на Родину. Временно, разумеется.

Девушка недоверчиво уставилась на него. Несколько минут назад он был категорически против, что же заставило так резко переменить планы? Какая новая идея, посетила его?

— Ты даже сможешь поработать, на благо отечества, — продолжал Амон с насмешкой. Вероятно, он сказал с подтекстом, не понятным девушке. — Хочешь стать мэром города? Шестнадцатилетняя мэрша, как «серый кардинал»... Чёрт возьми! Будет интересно.

Поворачиваясь к Светлане всем телом:

— Ну, как хочешь на Родину?

— Хочу, — согласилась девушка. — Сейчас отправите?

— Да, хоть сейчас, — внимательно изучая, Амон не сводил с неё глаз. — Только... До отправки нужно кое-что сделать...

— Вот, — насмешливо с презрением фыркнула девушка. — Я подозревала, что за этим, что-то стоит. И какова же цена моей свободы, так понимаю - относительной?

— Так... Пустячок... — пренебрежительно махнул рукой Амон.

Девушка насторожилась, что-то ей подсказывало. Что это совсем не пустяк.

— Можно узнать?

— Обязательно узнаешь.

Он достал из воздуха круглую коробочку, протянул девушке. Светлана взяла её, чуть не уронив на пол. Коробочка оказалась гораздо тяжелее, чем казалось на первый взгляд, вероятно, она полностью была изготовлена из золота.

С опаской раскрыла и посмотрела на жирный крем, жёлто-зелёного цвета. Запахло травами, тайгой после дождя. Держа раскрытую коробочку в руках, с немым вопросом посмотрела на Амона. Тот пристально за ней наблюдал.

Молчание затянулось.

— Что это? — наконец разорвала занавесу молчания Светлана.

— Крем, — вежливо ответил Амон. — Тебе нужно будет натереться им, только и всего.

— А из чего он сделан? — подозрение не покидало.

— Это не секрет... — прищулив глаза, он по-прежнему не сводил их с неё. — По запаху, я думаю, ты уже догадалась, что здесь травы. Да, и кровь летучей мыши. Всё смешано с вытопленным жиром.

— Гадость, — она с отвращением захлопнула крышку коробочки и протянула Амону.

Тот не двинувшись, спросил:

— Ты раздумала и уже не хочешь в Россию?

Помолчав, девушка ответила:

— Хочу, но... Крем внушает мне некоторые сомнения. Травы - это понятно, с каким жиром они смешаны?

— Тебе обязательно всё знать? — сухо поинтересовался Амон.

— Желательно. Да, и для чего мне им мазаться?

— Я вижу, ты не торопишься, — недовольство прозвучало в его голосе.

— Я хочу знать, на что иду. Так что за жир? Из чего он вытоплен? Небось, из какого ни будь волка?

— Из младенца, — поправил Амон, с улыбочкой добавил, внося ясность: — Кипятят его в медной посуде, а затем вычерпывают жир.

Задохнувшись, Светлана вскочила. Медленно Амон поднялся следом.

— Убирайтесь! Я хочу остаться одна. — Указывая рукой на дверь, отвернулась от него девушка. Мягко стукнула по ковру, упавшая из рук коробочка с кремом.

— Надо полагать, — тебя устраивает наше общество, и ты не желаешь покинуть его? — не обращая внимания на красноречивый жест рукой, указывающий на дверь, спросил Амон. — Или тебя смущает, что в креме есть часть человека? Могу немного успокоить... Его изготовили не вчера, а около семи веков назад.

— Меня не интересует, — отчеканила девушка, по-прежнему находясь к нему спиной.

Совсем неожиданно, Светлана очутилась в помещении без окон и дверей. Посмотрев на Амона, она с вызовом спросила:

— Изолируете? Судя по предоставленному мне помещению?

— Какая логика! — глумясь, воскликнул он. — И не нужно ничего объяснять. Но... Всё-таки скажу. Мне не нравится твоё настроение, но сейчас нужно во Францию, после поговорим. А пока с тобой побудет Хема. — рукой указал за спину девушки. Обернувшись, та увидела сидевшую на ковре, нагую, рыжую красавицу с зелёными глазами. Она улыбнулась и поманила к себе рукой. — Она служанка Дорна. Хема присмотрит за тобой.

— Зачем? — спросила Светлана, не сводя глаз с красавицы Хемы.

— Затем, что я не желаю возвратившись, разыскивать тебя по всей Бразилии. Да и ты не будешь хвататься за острые предметы, или... положим верёвки...

— Какая забота, — не сдержала ехидства Светлана. — Стилет Дорна, всегда при мне, что стоит зарезать им себя?

Амон надменно хмыкнул, засунул пальцы за ремень брюк. Его глаза, зажглись жёлтым светом и... иронией.

— Я вижу, ты приходишь в норму, — со сладчайшей улыбочкой заметил он. — Прежде чем покину тебя, я хотел бы увидеть, как ты пронзишь себя стилетом.

— Сами не хотите, как говорите «мараться»?

— Могу и я, — пожал плечами Амон.

Хема, прищурив зелёные глаза, молча наблюдала за происходящим.

Амон подошёл к девушке и сам вытащил стилет из ножен. Оценивающее взвесив на ладони, перевёл взгляд на девушку. Что-то прикидывая в уме, окинул взглядом с головы до ног. Левой рукой, взял стилет за рукоять.

Девушка отпрянула назад, не в силах отвести глаза от заискрившегося клинка.

Направив остриё, Амон шагнул к ней. Правой рукой схватил за плечо не давая отодвинуться назад. Пробежавшие по клинку искры завораживали и притягивали взгляд, с усилием оторвав глаза от сверкающей стали, девушка посмотрела на Амона. Попыталась отодвинуться, но Амон держал мёртвой хваткой. Стилет в его руке дрогнул и начал медленное злое движение к телу. Слегка задохнувшись от волнения, она сказала:

— Не надо, я не хочу умирать.

Сталь замерла в сантиметре.

— А вдруг через минуту передумаешь? — озабоченно спросил Амон.

— Нет, не передумаю, — быстро ответила девушка «гипнотизируя» стилет.

Амон не торопился, стилет по-прежнему был жёстко направлен на неё, рукой ещё сильнее сжал плечо. Он задумчиво посмотрел на девушку, словно раздумывая вонзить ли оружие или отпустить. На его лице появилась ухмылка, и весело сказав: «попробовать как это не помешает» с силой вонзил острие в живот, другой рукой направляя тело навстречу клинку. Стилет вошёл по рукоятку.

Открыв рот и вдохнув воздух, девушка замерла, выражение ужаса застыло на её лице. Постепенно ужас, перешёл в удивление, недоумение.

Амон выдернул стилет. Его лезвие, осталось таким же зеркальным, каким было всегда. На нём не было крови. А на теле не было ран.

Тяжело дыша, девушка ничего не понимая, уставилась на Амона. Тот спокойно вернул стилет в ножны. Подойдя к бару наполнил рюмку, золотистым напитком, протянул Светлане.

— Выпей, не помешает, — заметил он, весело наблюдая как она задохнулась и закашляла, глотнув из рюмки.

Вытерев невольно выступившие слезы, она сипло спросила:

— Почему?

— Почему ещё жива? — закончил вопрос Амон. — Потому что, это ТВОЙ стилет. Он не причинит тебе вреда.

— Но как? Он же вошел в меня? — недоумевала девушка.

— Коснувшись тебя, он перешёл в другое измерение, изменил свою структуру, — объяснил Амон и заторопился: — Я тут задержался, а мне нужно всё устроить к приезду в Париж Изера и мальчика... Хема, присмотри за ней. Пусть не скучает до моего появления.

Сладко улыбнувшись, Хема соглашаясь, качнула головой провожая глазами исчезающего Амона. Грудным голосом, коверкая русские слова, с французским акцентом, позвала Светлану и указала на стоящее поблизости кресло, предлагая сесть. Светлана последовала совету, но села не в кресло а рядом с ней на пол.

— Карты... Шахматы... Кости... Нарды? — предложила Хема, желая развлечь девушку.

— Нет. Спасибо, — сказала Светлана, прислоняясь спиной к обивке кресла и вытягивая ноги. — Что-то не хочется.

Она с любопытством посмотрела на новую знакомую и слегка смутилась, встретив в глазах Хемы то же самое. Кроме любопытства в них ещё отражалось не понятное ей восхищение. Немного помолчав, Хема спросила:

— Как это у тебя получилось?

— Что? — не поняла Светлана. — Ты имеешь в виду стилет, как он меня не убил?

— Нет, — сладко улыбнулась Хема. — Амон, он изменился. Как это у тебя получилось? — восхищение снова промелькнуло на лице Хемы. — Какой магией ты владеешь, если даже дьявол поддаётся ей?

— Я не понимаю, о чём ты говоришь, — призналась Светлана. — Сдаётся мне, Амон каким был, таким и остался.

— Шутишь? — Проворковала Хема. — Я ждала, когда он тебя убьёт, но он не сделал этого.

— Как же, — грустно усмехнулась Светлана, — только что, он пытался убить.

Грудной голос залился мягким смехом. Не переставая смеяться, Хема сказала:

— Нет... Он... Предостерёг тебя... От таких попыток... Теперь ты имеешь представление. И всё же, — Хема снова стала серьёзной. — Почему он не убил тебя?

Она внимательно окинула взглядом девушку. Её зелёные глаза задержались на клейме. Широко раскрылись в изумлении.

— Я не знала... — прошептала Хема, словно оправдываясь перед кем-то. От взгляда клеймо засветилось, призывая к вниманию и поклонению. Она взяла руку девушки, и та содрогнулась от ледяного холода исходящего от ладоней Хемы. Прошептав: — О, мой сир! — поцеловала клеймо. Поцелуй оказался таким же ледяным, как и руки. Клеймо померкло. Хема отпустила руку Светланы. — Я не знала, что ты принадлежишь Амону, и Дорн покровительствует тебе. Теперь мне более понятен поступок Амона. Но... Всё же...

Хема задумалась. Молчала и девушка разглядывая помещение в котором оказалась.

— Хема, — позвала Светлана. Дождавшись, когда она повернётся, спросила: — Ты можешь вытащить меня из комнаты?

— Могу, но не буду.

— Почему?

— Ты плохо знаешь Амона. Думаешь, мне хочется вызвать его гнев? И потом, куда ты пойдёшь?

— Не знаю, — пожалала плечами Светлана. С глубоким вздохом повторила: — Не знаю, — с подозрением бросив косой взгляд на Хему, спросила: — Ты тоже дьявол?

— Нет, — заворковала Хема, — я не дьявол. Я ведьма.

— Час от часу не легче, — пробормотала Светлана, и уже громче сказала: — Как-то я была на шабаше ведьм, тебя я там не видела.

— Что-то ты не похожа на ведьму, — заметила Хема. — Ходишь одетая. Да и взгляды на жизнь как у простого человека. А что касается тех ведьм, которых ты видела, то они, в отличие от меня, живые. Они натираются специальной мазью, чтобы летать и быть невидимыми. А я могу без всего этого.

— Мазь? — перебила Светлана осенённая внезапной мыслью. — Какая она мазь?

— Это снадобье из трав. Но самое главное... — Хема выразительно и многозначительно посмотрела на девушку. — Это ребёнок. Его доставляет ведьмам сам дьявол. Впрочем, он только предоставляет им случай, овладеть младенцем, а уж убивают они сами. После...

— Кидают в медный таз и кипятят, — снова перебивая, закончила повествование Светлана.

— Да, так и есть. А полученный жир, становится основой шабашной мази. И что-то не похоже, чтобы ты ею натиралась.

— Нет, я ею не пользовалась.

— Тогда, как попала на шабаш?

— Дорн как-то сделал. Но только на одну ночь. Хема, что было бы, натрись я ею?

— Ты смогла бы летать, становиться невидимой. А если в мазь добавить кровь, то изменились бы взгляды на жизнь. Стало бы больше равнодушия, может, жестокости. — Хема с любопытством посмотрела на девушку и переведя глаза на свои тонкие, изящные пальчики с длинными и острыми ногтями, спросила:

— Что это так заинтересовало тебя?

— Да так, — неопределённо ответила девушка, пожимая плечами. — Теперь я знаю цену.

— Цену чего?

— Относительной свободы.

— Я не понимаю тебя, — сказала Хема и предложила: — Выпьем? После такой встряски, мне думается, одной рюмки мало.

— Нет. Я пить не буду, а если твоё предложение остаётся в силе, то я не прочь отвлечься за партией в шахматы.

Хема оживилась:

— Вот и отлично. За игрой время летит быстро и незаметно. Ожидание сокращается.

Между Светланой и ведьмой возникла шахматная доска. Любуясь мастерски изготовленными из кости фигурами, Светлана поинтересовалась:

— Какое ожидание? — и указала на один из зажатых кулаков Хемы.

— Тебе ходить, — заметила Хема раскрывая кулак. На ладони лежала белая пешка. Дождавшись, когда девушка сделает первый ход, ответила на предыдущий вопрос: — Мы вдвоём, милой компанией, дождёмся появления Амона. Он решит, что с тобой делать, — двинула пешкой.

— Очень интригующее звучит, — обронила Светлана и глубоко задумалась, над следующим ходом.

— Ты его боишься? — спросила Хема, но вопрос прозвучал скорее в утвердительной форме.

— А ты? — вопросом на вопрос ответила Светлана, делая свой ход.

— Разумеется. Но тебя небось, он запугал до смерти. Что ты о нём думаешь?

— Что думаю? — задумчиво повторила вопрос Светлана, пытаясь думать сразу в двух направлениях. Куда и какой фигурой пойти, и обдумать заданный Хемой вопрос. Пойдя конём, подняла голову и размышляя вслух, сказала:

— Знаешь, бывают моменты, когда они мне кажутся просто мальчишками. Они рано потеряли мать. И выросли в суровых жёстких руках, не зная жалости, любви, доброты. Они научились ненавидеть и разучились любить. А их неограниченные способности, сделали их опасными. И перешагивая через простых людей, они идут к цели, своим известным только им жёстким путем не желая воспринимать другие более гуманные. Их внутренний мир отрицает всё доброе. Они создавались и действуют по своим законам, существуют по ним и иначе они мир не представляют. И где-то они правы, потому что именно этот жестокий мир и создал их такими. Они лишь его отражение.

— Они не мальчики, — сверкнув глазами, сказала Хема. — И уж тем более Дорн.

— О Дорне и речи быть не может. Он был, есть, и как не тяжело признать будет. Дорн - Властитель Тьмы и этим всё сказано. — Светлана глубоко задумалась. Подняв голову, посмотрела на Хему. — То, что я сказала, не значит, что я их воспринимаю так. Всё-таки свита Дорна - дьяволы. Просто, иной раз, увидев одну из выходов Юма или Барона, возникает ассоциация с избалованными детьми не знающих когда нужно остановиться. Они жестоки в своих играх.

— Ты сказала Юм и Барон. Но почему-то обошла Амона, — поинтересовалась Хема, на минуту оторвавшись от шахматной доски.

— Амон? — переспросила Светлана. — Амон, как ты заметила «не мальчик». Он не развлекается. Он действует. И от этого, он ещё страшнее. Он здраво подходит к делу, основательно и хладнокровно. Он страшнее, развлекающихся «мальчишек», потому что он - взрослый.

— Жаль я не могу читать мысли, — растягивая слова и сладко улыбаясь, сказала Хема. — Ты ускользнула от ответа, так и не ответив на вопрос. А мне было интересно его услышать. Ведь ты всегда говоришь правду?

— Стараюсь, — невесело улыбнулась в ответ Светлана. — Для тебя так важно, знать боюсь ли я Амона? — получив подтверждающий кивок, продолжила: — Да. Я его боюсь.

— И всё? — хитро прищурилась Хема.

Светлана нахмурилась:

— Сдаётся мне, что ты пытаешься что-то выведать.

— Может быть, — Хема мягко, бархатисто рассмеялась, загадочно поблескивая изумительными глазами.

Девушка неопределённо повела рукой:

— Я не делаю тайны. Я боюсь Амона, но время от времени забываю кто он. И мне интересно с ним общаться, слушать его. Даже... — Девушка смущённо покраснела. Бросив короткий взгляд на улыбающуюся Хему, и отведя глаза в сторону, через силу закончила: — Бывают моменты, когда мне просто хорошо с ним. Хорошо и спокойно... — девушка прямо посмотрела на Хему. — Я ответила на твой вопрос? Может, тебя кто-нибудь попросил узнать, что я думаю?

— Может быть, — снова тень загадочности легла на лицо ведьмы. Но тут же, словно отвергая свою реплику, она заметила: — Любой из свиты Дорна может прочесть твои мысли.

— Мысли, — согласилась девушка. — Но не чувства.

— Что ты знаешь о дьяволах? — проворковала Хема.

— Ничего.

— Тогда не стоит говорить о них в утвердительной форме. Кто знает, что они знают.

Хема замолчала и Светлана поддержав тишину, углубилась в игру, стараясь отвлечься от мрачных мыслей и воспоминаний. Полная тишина царила в комнате, пока шла игра. Лишь в конце, ставя девушке мат. Хема подняла голову и еле слышно произнесла:

— Дорн поручил Амону найти посланника, — чуть запнувшись, поправились: — Посланницу Создателя. Или того, кто с чистой и светлой душой добровольно променяет Эдем на Ад... — Хема, выразительно посмотрела на девушку и опустив глаза к доске, продолжила: — Он нашёл и похоже хочет оставить себе? — вопрос прозвучал в словах, словно она спрашивала об этом девушку. И с лёгкой досадой, закончила свои рассуждения: — И Дорн оставляет за ним право решения.

— Я думаю он уже решил, — сказала Светлана, указывая глазами на свою левую руку, где чернела татуировка с алыми рунами по кругу.

— Похоже на то, — согласилась Хема. — Возможно, выполнив поручение Хозяина, он попросил оставить тебя ему. Или, — с ужасом в глазах и в голосе Хема закончила: — Или Амон вообще не брался за это поручение? — но тут же, Хема успокоилась, словно отбрасывая такую дикую мысль, поправились: — Нет. Амон на такое не способен. Приказы Дорна для него смысл существования. Несомненно он сделал то, что было приказано... Но почему оставил себе?

— Если спрашиваешь меня, то напрасно. Я сама теряюсь в догадках. Зачем я ему нужна? Может, я для него «мальчик для битья»? — предположила Светлана, с грустью рассматривая своего «короля». Партия была безнадёжно проиграна.

— Уж чего-чего, а этого у него хватает, — сладко и в то же время хищно, улыбнулась Хема. — Нет. Он околдован. И это самое невероятное, что могло случиться, — сверкнув глазами, заключила: — И служит объяснением, почему он тебя не убил.

— Странные вещи ты мне рассказала, — созналась Светлана. — Почему-то Катерина ничего не говорила мне...

— Катенька, — пропела грудным голосом Хема. — Она гость в путешествии и ей неизвестно, что происходит в свите Дорна.

— А почему тебе известно? И почему так спокойно рассказываешь, словно это не секрет?

— Действительно - не секрет, — пожала плечиками Хема. — Более того, тебе я думаю нужно знать, что происходит. Я служанка самого Хозяина, — гордость прозвучала в её словах. — И я более-менее в курсе событий. Девочка, ты в отличие от Катюши, гораздо ближе к свите Дорна. Так близко. Что не можешь себе представить.

— Конечно, — усмехнулась девушка. — Как собака принадлежащая придворному. Куда уж ближе.

— Ай! Тебе этого не понять! — с досадой воскликнула Хема. — Потом поймёшь. И прими мой совет: поаккуратней с дьяволом. Он чувствует, что околдован и это тяготит его. Как бы он тебя не уничтожил, «разрубив Гордиев узел».

Светлана удивлённо вытаращила глаза:

— Он уничтожит увидев, что я ему нужна?

— А то! — усмехнулась Хема. — Кажется, у русских есть такая поговорка: «С глаз долой - из сердца вон». Так что, смотри не зли его. Тут и покровительство Дорна не поможет, тем более он окончательно предоставил тебя Амону.

Девушку передёрнуло:

— «Предоставил». Звучит как о вещи... Сегодня я хотела чтобы он меня убил. Даже пыталась разозлить.

— Что-то я не видела этого желания, — весело прищурилась Хема, — Похоже, даже кто-то говорил, что не хочет умирать, — лукаво посмотрела на девушку. — Или у меня со слухом не в порядке?

— В порядке, — успокоила девушка. — Вначале, я в состоянии аффекта хотела умереть. Но он привёл свои чёртовы доводы и я пришла в себя. Разумеется, я не хочу, чтобы меня убивали, — глубоко вздохнув, размышляя, заметила: — Хотя, это решило бы все проблемы. И почему создатель заложил в нас такое стремление к жизни?

Хема нахмурилась, снова растравляя фигурки по клеткам, сказала:

— Ну-ка повеселее. Мне приказали, что бы ты не скучала. Ещё одну партию?

Снова вздохнув, девушка махнула рукой:

— Давай!

Прошло довольно много времени, в течение которого было сыграно несколько партий. Тихая и спокойная обстановка действовали умиротворяющее, расслабившись девушка почувствовала, что её клонит ко сну. Бессонная ночь и события на ипподроме, совсем выбили из колеи. Хема весело улыбалась, видя как Светлана, сражаясь с обволакивающим сном пытается играть в шахматы.

Первой не выдержала Хема.

— Вот что... Пожалуй, я пойду, тем более Амон скоро вернётся. Считай, партия за мной. Я думаю, в будущем нам удастся доиграть.

Хема растаяла в воздухе, вместе с ней исчезли и шахматы. С благодарностью проводив взглядом, Светлана поднявшись с пола, легла на диван. Не успев коснуться подушки, она погрузилась в царство сна. Лишь одна мысль, молнией мелькнула в голове: неестественно так быстро засыпать, после такого насыщенного событиями

дня. Не исключено тут чьё-то вмешательство. Вероятно, кто-то заинтересован, чтобы она спала...

На этом мысли рассеялись, уступая место сновидениям.

Мёртвая тишина в комнате надёжно охраняла девушку от внезапного пробуждения. Ничто не могло нарушить покой.

Пробуждение стало для Светланы ещё одним интересным моментом, так как проснулась она в своей комнате. Первый же брошенный взгляд убедил, что все попытки разгромить помещение ни к чему не привели. Всё было цело, и всё стояло по своим местам, похоже, в её отсутствие тут кто-то очень постарался.

— Да, — раздался с кресла носовой мужской голос. — Тут всё готово к новому «выходу». Я с нетерпением жду продолжения.

Подскочивший к Светлане пёс вылизал лицо, окончательно разгоняя остатки сна. Приподнявшись, девушка села, стараясь рукой держать пса на расстоянии. Посмотрела на развалившегося в кресле Амона. Обняв пса за шею, заставляя его сесть рядом и утихомириться, она не скрывая сарказма ответила:

— К моему великому сожалению, смею Вас огорчить, сегодня «представление» отменяется. Примите мои искренние соболезнования.

— Очень прискорбно, — потянулся Амон, вытягивая ноги далеко вперёд. — Признаться, я очень спешил увидеть столь незабываемое зрелище, — и притворно вздохнув, добавил: — Жаль.

Девушка поспешила успокоить:

— Зачем столько скорби? В ближайшем будущем «спектакль» может и повториться, если для него будут созданы все необходимые условия.

— Великолепно! Прошу заранее меня уведомить, дабы я не пропустил этого момента. Он очень благоприятно сказывается на моём самочувствии, прямо-таки (прошу прощения за каламбур), оживляет меня.

— Могу заверить, — без Вашего присутствия, зрелище не состоится.

— В таком случае для большего эффекта, попрошу подать мне список необходимых вещей, для устройства интерьера. И прошу не стесняться в выборе бьющихся предметов... фарфор, он так приятно звенит, равно, как и хрусталь.

— Всенепременно... Друзей, близких приглашать будем?

— О, нет. Не стоит беспокоиться! — подхватывая тон и манеры, воскликнул Амон. — Зачем «выносить сор из избы»? Мы тут по семейному, по домашнему, в тёплой, милой сердцу обстановке. И потом, зачем огорчать друзей печальным завершением?

— Я не ослышалась? Вы сказали печальным? Для кого?

— Для исполнителя. По окончании спектакля он подвергнется экзекуции. Зрители смогут принять в ней участие, приложить так сказать, свою руку. Внести свой скромный вклад в развитие искусства, — сбросив маску Амон, свирепо сверкнув глазами, рявкнул: — Усекла?

— Усекла, — покорно кивнула головой девушка, зарываясь руками в чёрную «гриву» Пса. Обхватив собаку, она как бы укрылась за ней от дьявола, осторожно бросая оттуда взгляды на Амона, нарушила молчание: — Вы уже были в Париже?

— Был. Я прямо оттуда. И в подтверждении этого, кое-что прихватил с собой.

— Эйфелеву башню?

— Похоже экзекуция наступит раньше чем я предполагал, если не прекратишь иронизировать, — зло прошипел сквозь зубы Амон.

— Будет исполнено... — сказала девушка и вздрогнув, замерла. Едва касаясь плеча, из обивки дивана торчала рукоятка кинжала Амона.

Неуловимым для глаз движением, он метнул его показывая, что прозвучала не пустая угроза. Протянув руку, Амон заставил кинжал, выдернувшись из обивки вернуться к нему. Вкладывая оружие в ножны он предупредил:

— Мой кинжал, не изменит структуры в твоём теле. Имей в виду. В следующий раз он распорет не ткань, а твою ногу. Можешь поверить, это мне сделать гораздо легче, нежели намеренно промахиваться, — блеснув в ухмылке клыками, уже другим тоном, более дружелюбным, спросил: — Так, на чём мы остановились?

— На Париже, — мрачно подсказала девушка, приняв во внимание угрозу дьявола, и вовремя вспомнив предупреждение Хемы - не злить его. Сейчас ей меньше всего хотелось шутить. Демонстрация владения оружием, отбила эту охоту.

— Нет... На том, что я прихватил кое-что с собой. — Амон замолчал. Прошло несколько секунд полного молчания. — Почему не спрашиваешь, что я привез?

— Опасаюсь за ногу, — с неохотой ответила Светлана.

— Расслабься, — милостиво разрешил Амон. Встав с кресла, подошёл к девушке. В его руке она заметила плоский, красный футляр. Протянув его, он сказал: — Держи, это тебе, — весело ухмыльнувшись, добавил: — Видишь? Я всегда помню о тебе.

— Лучше было бы обратное, — еле слышно пробормотала Светлана. Раскрыв футляр, восхищённо выдохнула воздух.

На чёрном бархате лежало кольцо с оправленными в золото рубинами. Лучи света пронзая драгоценные камни, заставляли их обретать зловещий, алый цвет. Как будто сквозь золотую нить проступили крупные капли крови и застыли, окаменев навеки.

— Мне не приходилось видеть такой красоты, — призналась Светлана, любуясь ожерельем.

— Я думаю... — согласился Амон. — Оно - единственное, больше во всём мире такого нет.

— Вы купили его?

— «Купил»! — фыркнул демон. — Я покупаю людей. Остальное беру.

Он взял ожерелье за концы, поднял в воздух. Капли рубина с удвоенной силой заиграли, преломляя и раскидывая свет.

Амон нагнулся к девушке, желая надеть кольцо на шею. Девушка отшатнулась, уронив пустой футляр.

— Не надо, — со страхом попросила она. — Оно не для меня.

— Для кого же? — спросил Амон застегивая ожерелье.

Вздрогнув от прикосновения холодного, тяжёлого металла и горячих рук Амона, которые он не спешил убрать с шеи, девушка подняв глаза, посмотрев ему в лицо, прошептала:

— Оно для королевы.

— Вот и отлично, — наклоняясь к девушке ещё ближе, прошептал на ухо Амон. — Значит, оно попало по назначению.

Он опустился рядом с ней на диван, движением руки согнав пса. Заставляя уйти в сторону. Одной рукой обхватив за талию, другую по-прежнему держа на шее, Амон зарылся лицом в её волосах. Отпрянув назад девушка вдруг обнаружила, что лежит на диване. А над ней опираясь на локоть, возвышается Амон. Его глаза еле заметно мерцали мягким, жёлтым светом. Убрав волосы с её лица, лукаво спросил:

— Случайно не хочешь, поблагодарить меня за подарок?

Бесовские огоньки весело заплясали в глазах.

Девушка растерялась. Попыталась подняться, но встретила на пути железную руку Амона. Которая легко отбросила её назад и опустилась на плечо, предотвращая дальнейшие попытки. Дрожь пронеслась по телу, когда она почувствовала себя беспомощной в руках дьявола. Сердце застучало, отдаваясь в висках. С отчаянием подняв глаза и встретившись с его взглядом, она на секунду опешила. Столько мальчишеского задора было в них, похоже, он получал огромное удовольствие, наблюдая за её реакцией и растерянностью. Он весело хмыкнул, когда она догадавшись о его «игре» не смогла сдержать улыбки.

— Такой ты мне нравишься, — заметил он, весёлые искры в глазах погасли.

Они по-прежнему излучали жёлтый свет, но что-то изменилось в них. Теперь они смотрели серьёзно и изучающее. Словно разговаривая самим с собой, он сказал:

— Вижу, ты не знаешь, какой благодарности я жду. Что ж. Я покажу...

Озноб пробежал по телу девушки, она снова попыталась встать.

Прижав волосы к дивану, Амон намертво «приковал» к нему. Теперь она могла подняться, лишь оставив в его руках свой скальп. Наклонившись, Амон легонько коснулся губ, едва касаясь их поцелуем. Спустился к шее.

— Амон! — тихо выкрикнула девушка пытаясь его остановить. Чувствуя, что ещё немного, и она уже не сможет сопротивляться. Сладостная нега, как болото неумолимо затягивала в бездну. Лихорадочно ища выход, девушка пролепетала: — Амон. Я... сама...

С недоверием сузив глаза, Амон тем не менее отстранился, давая свободу.

Она встала с дивана.

Не двигаясь, он молча наблюдал за ней.

Медленно сняла с пояса ремень с ножнами, положила его на стоявший поблизости низенький столик. Собралась было снять золотой медальон, когда голос Амона остановил её:

— Оставь.

Покорно опустив руки нагнулась, чтобы снять сандалии, искоса наблюдая за дьяволом. Тот отвернулся, что-то приказывая псу. Выпрямившись, девушка стремительно бросилась к выходу. Схватив круглую ручку, попыталась открыть дверь, но пальцы лишь скользнули по гладкой поверхности. Постаравшись сильнее ухватить полированную поверхность ручки, девушка снова рванула дверь на себя. Бесполезно. С отчаянием оглянувшись, испуганно замерла.

Совсем рядом, почти касаясь плеча, стоял Амон с иронией щуря глаза. Он приблизился настолько тихо и быстро, что девушка была шокирована.

Не спеша, даже как-то лениво, он оторвал её руку от ручки и развернув за плечо, прижал девушку к двери. Её затылок одновременно со спиной коснулись резного дерева.

Амон прильнул к телу. Ощутив жаркое дыхание на шее, девушка с трепетом почувствовала как охватывает истома, кружа голову, выбивая пол из-под ног. Она не заметила как Амон легко подняв на руки, аккуратно и нежно перенёс на диван. Жадно приник к губам, словно никак не мог утолить жажду. Оставив на время лицо, лаская руками и покрывая тело неистовыми поцелуями. Невольно изогнувшись навстречу ласкам, закинув голову она тихо простонала, почти теряя сознание от охвативших сладостных ощущений, удивляясь, что ещё жива и не расплавилась, не растворилась в его объятиях. Она услышала голос, но смысл сказанного ускользнул от понимания, не в силах пробиться сквозь пелену неги заслонившей разум. А голос всё шептал и шептал. Постепенно броня дрогнула и смысл сказанного, наконец дошёл до девушки:

— Скажи «да», и никто не посмеет сказать тебе «нет», — шептал Амон, заглядывая в лицо. По-видимому уловив, что она вынырнула из сладостного забытья. И лицо приняло более осмысленное выражение, он отстранившись, продолжал играть рукой с прядью волос. Немного погодя спросил: — Как тебе путешествие в мир любви?

— Я там была? — недоверчиво спросила она, находясь под впечатлением пережитого. Сердце по-прежнему пыталось выскочить из груди, и лёгкий озноб всё ещё заставлял тело дрожать, будоража и волнуя. Было хорошо и приятно ощущать исходивший от рук Амона жар.

Амон мягко рассмеялся, медленно, словно разговаривая с ребёнком, сказал:

— Нет. Ты подошла довольно-таки близко, можно сказать: заглянула за ограду. Но пройдёшь, только по своему желанию. Скажи «да» и ты ощутишь то, что ощутили лишь единицы смертных. И за это они дорого заплатили, ты же будешь единственным человеком, с кем договор не будет заключён.

— Почему упускаете возможность приобрести ещё одну душу?

Спросила Светлана чувствуя, что приходит в себя. Но предательская слабость, по-прежнему держала тело в железных оковах. Когда рука Амона лаская, проходила по лицу, оковы сжимались ещё сильнее, делая её беспомощной. Она не находила в себе сил сопротивляться, да ей и не хотелось этого. Было хорошо как никогда в жизни.

Амон, уловив её настроение, встал и отойдя в сторону, опустил в кресло. С удивлением девушка констатировала, что она разочарованна его поступком. Её тело и разум не хотели успокаиваться, они требовали продолжения поцелуев и ласки, снова хотелось погрузиться в сладостную негу. Ощутить блаженство близости и нежности.

Улыбнувшись, Амон закинул ногу на ногу, сцепив на колене руки, прищурившись, наблюдал за лежавшей на диване девушкой. Дождавшись, когда она сядет пытаясь привести себя в порядок, сказал:

— Ну вот, когда «мы» пришли в себя и способны здраво и трезво рассуждать, «мы» со всей серьёзностью подойдём к заданному вопросу и ответим на него.

Глубоко задумавшись, девушка помолчала несколько минут. Подняла голову. Лёгкая краска окрасила её щеки, когда она ответила:

— «Мы» ещё не можем с достаточной уверенностью ответить на Ваш вопрос. «Нам» нужно время.

— Звучит утешающе, — заметил Амон, — по крайней мере, ты не сказала - нет.

Покраснев ещё сильнее, потупив глаза девушка тихо сказала:

— Я не хочу говорить - нет. Мне действительно хорошо с Вами. Хорошо и спокойно, — но тут же поправились: — Когда Вы не злитесь и не убиваете.

— С последним тебе придется смириться. Смерть - судьба всех живущих в этом мире. — ярко сверкнув огнём глаза Амона тут же погасли, став пустыми и мёртвыми.

— Да. Тут я спорить не могу. Вы правы, — не поднимая головы, разглядывая пальцы, согласилась Светлана. — Единственно, что могу попросить: меньше жестокости. Её и так много в мире.

— У тебя будет время и столько, сколько пожелаешь, — вставая с кресла, сказал Амон и направляясь к двери, спросил: — Прогуляться по Рио-де-Жанейро не желаешь? Мы тут больше месяца, но ты толком его не видела.

Вскочив с дивана, надевая на пояс ремень с ножнами, девушка любопытствовала:

— Дорн ещё долго будет в Бразилии?

— Нет. Он нашёл что искал, но возможно, задержится здесь до карнавала. Праздник свободы плоти, он носит своеобразный хаос. Три дня люди свободны от предрассудков. В эти дни балом правит сатана, он не оставит город до окончания карнавала. Так что ещё есть время хорошо ознакомиться с городом.

— А кто составит компанию? Юм?

— Нет. Он ещё в Париже с Изером.

— Всё-таки напросился? — не смогла удержать улыбки девушка.

Амон ухмыльнулся:

— Куда от него денешься? Похоже и у дьяволов есть свой крест, им является Юм. Что же касается Катерины и её друга, то они уже давно в городе. Где-нибудь в ресторане изучают национальные блюда.

— Значит, остаётся Пес, — подытожила девушка, следуя за исчезающим в дверях Амоном.

Услышав своё имя, собака сорвалась с места, где по приказу хозяина пролежала всё это время и завертевшись радостно юлой у ног, поспешила покинуть комнату.

— Для горожан, похоже я выгляжу довольно эпатажно, — заметила Светлана, поймав на себе очередной удивлённый взгляд. — Мало того, что я в чёрном, неподходящим для здешнего климата, где предпочтительней одежды белого цвета, а тут ещё татуировка и стилет. Наверное, меня за сатанистку принимают.

Амон неопределенно хмыкнул на замечание девушки, и молча продолжил свой путь. Идущая рядом Светлана, крепко держала за ошейник чинно вышагивающего Пса. Тот вёл себя на удивление спокойно. Очередной любопытный взгляд, заставил девушку занервничать. С досадой она сказала:

— Ещё колье, которое нужно носить с длинным до пола, вечерним платьем. А не в шортах с укороченной кофтой.

— У тебя оно есть, — заметил Амон.

— Ну, да. Буду в вечернем платье по городу гулять. — Светлана весело фыркнула, представив себя со стороны. — Амон, Вы не слышите их мысли? Знаете, что они думают обо мне?

— Разумеется - нет, — отмахнулся Амон.

— Как так? — удивлялась девушка.

— У меня одно только дело: слушать о чём думают окружающие? Сейчас тысячи, а может миллионы, призывают дьявола к себе.

— А ещё больше создателя, — добавила девушка. — Их тоже никто не слышит? Как же исповедь, молитвы?

— А никак, — ухмыльнулся дьявол. — Или ты думаешь: нагрешил, потом пришёл, покался и уже святой? Нет. Человек сам творит себя, сам строит будущее, сам создаёт свою душу.

— Вот он искренне покался. Он попадёт в Ад?

— Нет. У него будет шанс - реинкарнация. Там, в следующей жизни, он покажет насколько был искренен.

— Не могу поверить, — с сомнением покачала головой Светлана. — Значит молитвы, обращения к небесам, всё напрасно?

— Всё-таки люди эгоисты, — с какой-то радостью сказал дьявол. — Сели в санки и ждут когда кто-нибудь их потянет, или дьявол, или Бог. Все надеются, на приход и помощь сил из другого мира. Для них большой роли не играют тёмные ли они, или светлые. Главное, чтобы впрягись. Они не могут поверить, что предоставлены самим себе и сами должны совершенствоваться. Библия же это не что иное, как путеводная нить.

Обернувшись к девушке Амон, скривив в усмешке рот, добавил:

— В оба конца, нужно только ухватиться за неё и пойти в правильном направлении.

— Даже так? — не поверила она.

— А кто устроил столь знаменитую Варфоломеевскую ночь, как не рьяные католики? Эта дорога на небеса не вела.

Амон замолчал. Пройдя несколько шагов, остановился. Поманил рукой околачивающегося подростка лет пятнадцати. Светлана, остановившись в сторонке, наблюдала как подросток опасливо и настороженно поглядывая на рыжего мужчину, приблизился к нему. С вызовом вскинул голову ожидая, что тот скажет. Но Амон ничего не сказал. Молча вложил в руку парня толстую пачку денег и дружески похлопав по плечу, двинулся дальше. Девушка поспешила следом, порядком удивленная столь необычным жестом со стороны Амона. Пройдя квартал он нарушил молчание:

— Это не милосердие, — предупреждая вопрос сказал он, лениво разглядывая прохожих.

— Тогда. Что это? — недоумевала Светлана.

— Ты его хорошо запомнила?

— Думаю... Да

— Вечером, всё поймешь, а пока, куда бы ты хотела пойти?

— Куда предложите.

Амон хмыкнул. Остановился, заглядывая ей в лицо:

— Мне абсолютно всё равно куда вести. В любом месте есть люди, за которыми я могу наблюдать.

— И искать следующую жертву, — закончила за него фразу Светлана.

— Вот именно, — сухо подтвердил Амон.

— Музей, Вы не против посетить? Вот только... Пустят ли туда Пса?

— Он не доставит нам хлопот, — заверил Амон останавливая такси, приказывая ехать в центр.

Вечером, уставшая девушка вернулась в особняк. Но прежде чем войти в дом, Амон протянул ей вечернюю газету. Светлана взяла её недоумевая, почему он это сделал, ведь она не знала португальского. Перелистав страницы, остановила взгляд на фотографии мальчика, не сразу она связала её с тем, уличным подростком. Рядом с его фотографией была ещё одна, на ней разбитая машина, наполовину залетевшая под грузовик. Фотография была чёрно-белая, но лужа возле изогнутой дверцы наталкивала на мысль, что она должна быть алого цвета.

Подняв глаза от фотографии, Светлана вопросительно посмотрела на Амона. Тот, похоже, ожидал вопрос:

— Узнала?

— Да. Но, что с ним случилось?

— Он пошёл не в ту сторону... Впрочем, я ожидал такую развязку.

— Что произошло? Это после того как Вы дали ему денег?

— Как видишь, он выжал из них всё

— «Выжал»? — не поняла она его.

— Натурально, выжал. Напился, обкурился марихуаны, нужно заметить, чувство товарищества у него есть. Ничего не пожалел для друзей.

— Дальше, — потребовала девушка, и её сердце сжалось в нехорошем предчувствии.

Амон повёл рукой:

— Дальше - девочки и, ещё выпивка и марихуана. Угнали машину и вот результат, — он кивнул на фотографию в газете. — «Там» ему не скучно, ведь друзей он прихватил с собой.

С грустью посмотрев на дьявола, девушка спросила:

— Зачем Вы это сделали?

— Что? Дал денег? Но я не заставлял угонять автомобиль.

— Мир летит в тартарары, — пробормотала Светлана распахивая тяжёлую резную дверь и входя в особняк. Идя по коридору, вполголоса добавила: — В большей степени, виноваты сами люди.

Войдя в зал, Светлана остановилась. Здесь уже были все. В камине полыхал огонь и жар уносился в трубу не повышая температуры, и без того тёплого помещения. Множество горящих свеч, в серебряных канделябрах с затейливым узором, заливали комнату ярким светом. Было по-домашнему уютно.

Вытянув ноги под стол, Барон оживлённо беседовал с Валентином. Катерина, заняв соседнее кресло, с головой погрузилась в ярко пестревший журнал мод. Дорн, раскинувшись на низком, необъятном диване, сощурился с иронией поглядывая на развалившегося поблизости Юма который время от времени вставлял реплики, дополняя рассказ Барона. Здесь царила дружеская обстановка, приятная и непринуждённая. Впервые секунды Светлане показалось, что находится в компании друзей, пока Дорн не поднял голову, разглядывая вошедших. Глаза сверкнули адским огнём, очнувшись Светлана вспомнила кому они принадлежат.

Приглашающим жестом, Дорн указал на диван. Амон, стоявший позади девушки, слегка подтолкнув в спину направил к Дорну. Сам присоединился к Барону где возникла бутылка коньяка. Юм, спрыгнув с дивана, поспешил «влиться» в компанию.

Светлана заметила, как Дорн скользнув взглядом по ожерелью, перевёл его на Амона, что-то раздумывая, затем снова повернул голову к девушке.

— Как тебе город? — спросил он и от его низкого голоса затрепетал огонь свечей.

Катерина подняла голову от журнала.

— Красивый, — ответила Светлана.

Обернувшись на возглас Катерины:

— Ах, какое великолепное кольцо! Валентин! — позвала Катерина. — Я тоже хочу такое! Почему ты меня не балуешь? — капризно добавила она.

Светлана растерянно посмотрела на Дорна, увидела в его глазах лёгкую насмешку. Еле заметно улыбнувшись, он поддержал Катерину:

— Действительно Валентин, такую прекрасную женщину, ты вдруг обходишь вниманием. Нехорошо.

— Сир! — слишком уж поспешно воскликнул Валентин, мельком бросив взгляд на девушку. — Где же я могу достать такие вещи?

— В ювелирном, — отозвался Барон.

— Нужно иметь большие деньги, — возразил Валентин.

— В следующий раз позови меня. Вместе подыщем что-нибудь для Катеньки, — сказал Барон, опрокидывая стопочку в рот.

— Какие вы милые, — с нежностью заметила Катерина.

— Так... Всё ясно, — мрачно отозвался Юм. — Значит балуем? Со всей присущей мне скромностью, хочу заметить: я тоже люблю когда меня балуют.

— Не замечал, — с сомнением сказал Барон.

— Конечно, где уж замечать, — горестно посетовал Юм. — Если никто не потрудился, сделать мне подарок.

— Да, нет, Я не это имел в виду, — отмахнулся Барон. — Я не замечал присущую тебе скромность. Разве она у тебя есть?

— А то! — с гордостью вскинул голову Юм, и с обидой заметил: — Можно подумать ты её искал.

— Извини, — развёл руками Барон. Весело добавил, ни к кому не обращаясь: — Что имеем — не храним, потерявши — плачем.

— Истину глаголешь! — важно изрёк кот. — Вот потеряете меня, ой наплачетесь.

Послав уничтожающий взгляд в сторону кота, Амон презрительно фыркнул. Барон же, с любопытством посмотрев на обиженного Юма, ласково заглядывая в глаза, поинтересовался:

— А, что бы ты хотел получить?

Юм глубоко задумался, наконец махнул лапой и сказал:

— Мне всё равно, главное внимание... Чтоб подороже и со вкусом.

— Ну, хорошо. Сейчас мы уделим тебе немного внимания, — пожав плечами, пообещал Барон.

Внимательно посмотрел на кота, словно что-то прикидывая, или примеривая. Наконец, с улыбочкой слишком уж сладкой, чтобы быть дружественной, щёлкнул пальцами.

Весь в ожидании, Юм замер.

Зал на мгновение озарился ярким светом, и на Юме засверкал бриллиантами и изумрудами - ошейник. Тут же, возле Юма возникло зеркало, в котором он отразился во всей своей красе.

— Что... это? — еле смог выговорить эти два простых слова Юм.

Голос его повысился. Сверкая глазами повернулся к Барону. Ткнул лапой в свою шею.

— Что это?

— Ошейник, — любезно объяснил Барон. — Подарок от всего сердца.

— Я что? Похож на собаку?

— Коты тоже ходят в ошейниках, — попытался оправдаться Барон. Всплеснул руками. — Ой, извини! Ты же просил подороже? Сейчас брелок подвешу. Сразу стоимость ошейника поднимется.

— Ты бы ещё намордник подарил, — заворчал Юм и осёкся при появлении обещанного Бароном брелока. Обвёл бешеными глазами присутствующих. Те старательно скрывали улыбки, подавляя смех.

Прокашлявшись, чтобы скрыть смешок, Катерина заметила, обращаясь к замершему в полнейшем негодовании Юму:

— Выглядишь вполне мило...

Светлана поспешила отвернуться, чтобы кот не заметил улыбки, которую было невозможно подавить, несмотря на все старания быть серьёзной.

Да. Барон «постарался» для своего друга. Слово «брелок» не совсем подходило к тому, что висело на изумительном ошейнике Юма. Оно действительно, ощутимо поднимало стоимость украшения, но только вместе с весом. Неумолимо притягивая Юма к земле, золотым ядром, размером о кокосовый орех. Крепился он к ошейнику цепью, также отлитой из золота, Цепь была короткой, примерно с полметра. Всего шесть звеньев было в ней.

— Вы, что? Утопить меня вздумали?! — взвыл, наконец обретя дар речи кот. — Вот, уже и ядро к шее пришили!

— Да, нет же Юм. Это брелок, правда немного великоват... Но смотри, сколько золота! — попытался убедить Барон.

Валентин, до этого кусавший губы, прокашлявшись, как совсем недавно делала до него Катерина, заметил:

— Ты же бесценный кот! Любой отдаст всё, чтобы заполучить тебя!

— Мою шею, — угрюмо поправил Юм. — Мою шею, а не меня, — всхлипнул. — Отрубят мне гангстеры голову, как пить дать, отрубят. Как же я потом, без головы-то буду?

— Телохранителей найми, — с готовностью услужить подал идею Барон. — Например Амон.

— Да?! Он меня «неловким» движением, чисто случайно с моста не столкнёт?! — спросил Юм, безуспешно пытаясь сдвинуть с места «брелок».

Барон, потеряв терпение рявкнул.

— Вот что, Юм... Я тебя «побаловал»? Ты получил все знаки внимания?

— Да... Но...

— Дарёному коню в зубы не смотрят, — перебивая кота, сухо сообщил Барон. — Как мог, так и побаловал. А ты, со своей скромностью, сделай вид, что подарок понравился и что он тебе очень нужен.

— Нужен, — ворча, повторил Юм, — нужен как ядро каторжнику на галерах. Таким «брелком» он хоть надсмотрщика подкупит, а мне кого подкупать?

— Тебе, не угодишь! — возмутился Барон.

Снова сверкнул ослепительный свет и Юм облегчённо вздохнув, наконец, смог поднять голову.

— Пожалуйста, не надо больше знаков внимания. Я спокойно обойдусь без ваших подарков, — сообщил он,

После этих слов, никто уже не сдерживал смеха и огоньки свеч весело заплясали от дружного хохота.

— Мальчишки, — отвечая на мысли Светланы, махнул рукой Дорн. — Разыгрывают друг друга. Прямо мелкие бесы, всё бы им похохмить...

— Магистр! — воскликнул Барон, услышав слова Дорна. Лёгкое удивление прозвучало в голосе.

Дорн успокоил:

— Все нормально, Изер... Как мальчика устроили?

— По высшему разряду, — поспешил сообщить Барон. Юм и Амон, соглашаясь, молча склонили голову. — Дело теперь за временем, сир.

Дорн, разглядывая огонь в камине кивнул. Языки пламени, отражаясь плясали в его глазах. Не отрывая глаз от очага, Дорн заметил:

— Здесь уже делать нечего. «Летучий голландец» может поднимать якорь. Но... Повременим. Впереди большой праздник. Почему бы нам, не почтить его своим присутствием?

— О да! Сир! — радостно всплеснула руками Катерина. — Это будет просто великолепно! Я надену своё лучшее платье.

— Катюша, — перебил Барон. — Не думаю, что платье там оценят, скорее наоборот, оценят его отсутствие.

— Вот как? — удивилась Катерина. — Что же мне тогда одеть?

— Ничего, — улыбнулся Барон и посмотрев на возмущенного Валентина, посоветовал: — Исходи из того, что будет очень жарко.

Юм издал горловой звук, по-видимому, пытаясь высказать своё несогласие, капризно заметил:

— А мне из чего исходить? Последнее что ли снять? — демонстративно указал на свою шерсть.

Барон отнёсся к нему с участием. Озабоченно осмотрел, с сочувствием предложил:

— Может... Обрить? Тело дышать будет.

— Спасибо за заботу, — с горечью поблагодарил его Юм.

Барон не унимался:

— Но, не обязательно наголо... Можно, под пуделя...

Юма передёрнуло:

— Сир! — воззвал он к Дорну. — Примите меры. Только что утопить хотели. Теперь по плану, меня изуродовать.

— Юм, ты только выиграешь, — принялся увещевать его Барон. — Станешь модным, стильным котом. Кошки будут в шоке.

Снова лёгкая судорога пронеслась по телу кота вздымая шерсть. Мрачно посмотрев на улыбающегося Барона, он пробормотал.

— Что в шоке - факт. Изер предоставь заботы о моей внешности, мне самому. Я сам знаю, что вводит в шок кошечек.

— Дикие вопли по весне? — прищутив глаз, уточнил Барон.

— И это тоже! — дёрнув хвостом, отрезал Юм.

— Скоро весна, — не унимался Барон. — Готовься к ночным серенадам и прими моё предложение. Стиль это что-то.

— Брейся по пуделя сам, — рявкнул, теряя терпение кот. — На своём примере убеди меня, что твой «стиль» чего-то стоит.

— Один-ноль, — рассмеялся Валентин. — Уел он тебя. Изер.

— Ему не дано понять чувство прекрасного, — обречено махнул рукой Барон. — Пусть ходит «болонкой».

— Болонкой? — заволновался кот. Покинув столик, приблизился к зеркалу, принялся крутиться возле него стараясь рассмотреть себя во всех ракурсах. Облегчённо вздохнув, отошёл от зеркала еле слышно пробормотав: — Очень симпатичный кот и никаких признаков болонки.

— Юм, я образно выразился, — хлопнув себя по колену, развеселился Барон.

Проигнорировав, кот разлегся неподалеку от камина, повернув морду к огню. Громкий стук в дверь прервал это приятное занятие. Одним прыжком взлетев на массивную люстру, что висела под потолком (на его счастье, восковые свечи там ещё не были зажжены), сделав дикие глаза, сообщил голосом полным безнадёжной тоски:

— Гангстеры! За мной пришли.

Стук повторился. Юм заёрзал. Несколько свеч упало на ковёр. Светлана неуверенно предложила:

— Я открою?

— Открой, — согласился Барон. Подняв глаза к потолку, посмотрев на кота, сказал: — Юм это не к тебе. Ты же отказался от моего подарка.

Подойдя к дверям, девушка расслышала как Юм на его замечание, ответил ядовитым тоном:

— Отказался? Когда это я отказывался? Ты сам забрал.

Так и не дослушав, что ответил ему Барон, девушка распахнула дверь. На пороге стоял мужчина, выше среднего роста, в белом костюме. Лёгкая, белая шляпа с широкими полями, скрывала половину его лица, оставшаяся половина, оттенённая белым цветом, являла собой явный контраст. Толстые губы наталкивали на мысль, что перед ней представитель негроидной расы.

Когда посетитель рассматривающий, что-то под ногами, поднял голову, девушка убедилась, что перед ней действительно негр. Не юноша, но и не старик. Ему было за сорок. Точнее, девушка ответить бы затруднилась.

Подняв голову и оглядев девушку, мужчина кивнув, отвернулся. Проследив за его взглядом, Светлана увидела стоявший в стороне, у обочины белый «Кадиллак» с

затемнёнными стеклами. В одно из этих стёкол, негр что-то сообщил. Снова повернулся к девушке и обратился уже к ней. Ничего не поняв, она попробовала английский:

— Вы к кому?

Негр оживился. Мигом сориентировавшись, сказал:

— О, сеньорита говорит по-английски! Замечательно. Я - Антонио Барбосса.

Девушка с недоверием посмотрела, что-то он не был похож на Антонио. Это имя ему явно не подходило

Антонио продолжал:

— Я частный детектив, мистер Спиллер нанял меня, найти вашу компанию. Ведь Вы здесь не одни?

— Нет, — несколько растерянно ответила девушка, рассматривая вышедшего из «Кадиллака» седого господина. Он тоже был одет в белый костюм, но это был европеец. — Что Вы хотели? — спросила она Антонио, не спуская глаз с европейца.

— Мы к хозяину, по делу, — ответил Антонио, вежливо уступая место европейцу. Указав на него рукой, добавил: — Сеньор Спиллер хочет поговорить. Он с деловым предложением,

— Вы наверное ошиблись, — она всё ещё пребывала в нерешительности,

— Вчера. На ипподроме, — не спрашивая, утверждая сказал Антонио: — Вы там были.

— Да, — согласилась девушка, и тень грусти набежала на лицо. Она помнила ипподром и то, что там случилось.

Антонио сделал шаг к двери высказывая настойчивость. Спиллер пододвинулся к нему, в молчаливой поддержке. Глубоко вздохнув, девушка указала рукой в коридор.

— Проходите. Но не думаю, что дело так важно, чтобы приходить сюда.

Спиллер устремился вперед. Антонио остановился, внимательно посмотрев на девушку:

— Что ты хотела этим сказать? — поинтересовался.

— Вчера... Вы были на ипподроме?

— Да... Ужасное зрелище, — сознался Антонио.

Пристально посмотрев в глаза. Светлана, растягивая слова, медленно спросила:

— И Вас ничему не научило?

Антонио глубоко задумался. Девушка не торопила его. Она ждала. Размышляя вслух, негр сказал:

— В принципе моя работа окончена. Я нашёл вас. Больше мы ни о чём не договаривались. — вежливо приподняв шляпу над головой, улыбнувшись с признательностью, он сказал: — Прощайте, маленькая леди.

Развернувшись, Антонио покинул дом, навсегда.

Закрыв дверь, девушка направилась в зал, откуда доносился возбуждённый голос сеньора Спиллера:

— Господа, я к вам с деловым предложением, — он покосился на вошедшую в зал девушку и повернувшись к Амону и Барону, попытался объяснить цель своего визита: — Вчера, я увидел мировую сенсацию!

Низкий голос за спиной Спиллера, заинтересованно произнес:

— Расскажите, что Вы увидели.

Пока Спиллер, удивлённо поворачивался в сторону говорившего, девушка опустилась на диван, окинув взглядом комнату убедилась, что за время её отсутствия Катерина и Валентин куда-то исчезли, и люстра раскачивалось под потолком уже опустевшая.

Подскочивший Барон, суетливо знакомил Спиллера с хозяином:

— Сеньор Спиллер. Дорн - магистр, — последнее слово, он подчеркнул особо.

Дорн снисходительно кивнул, предотвращая словесный поток Спиллера, почуявшего в «магистре» хозяина, спросил, обращаясь к Барону:

— Изер, так что произошло?

Он слегка замялся, словно школьник вызванный на ковёр к директору, махнул рукой, с некоторой ехидцей сказал:

— Это всё Юм. Он, сир, участвовал в скачках.

Разговор шёл на английском и Спиллер уловив смысл разговора, влез в него:

— О! Он великолепно. Великолепно прошёл скачки! Из-за него я и пришёл сюда. У меня очень выгодное предложение! Я покупаю его.

— Юма? — удивился Барон.

— Разве скакуна так зовут? — в свою очередь удивился Спиллер. — Мне показалось, было названо другое имя.

— Ясно, — скривив рот, усмехнулся Дорн. — Тебе нужен вороной. Но... зачем? Он слушается только своего хозяина.

Спиллер задумчиво поджал губы. Прошла минута.

— Скрестить, — предложил он, — у меня есть отличная пара, для «вороного».

— Нет. Так не пойдёт, — покачал головой Дорн. — Сначала нужно разобраться для чего он тебе. Разводить породу или участвовать в скачках?

— Это так важно? — враждебно осведомился Спиллер.

— Да. Если для разведения, мы помочь ничем не сможем, а вот для состязаний, пожалуй, подсобим.

— И во сколько же вы оцениваете «вороного»? — Спиллер выжидающе посмотрел на Дорна.

Тот вежливо, но равнодушно улыбнувшись, заметил:

— Речь идет не о «вороном», а удаче в скачках. Тебе нужен победитель, и я так понимаю, с гарантией?

Прищуриив глаз, Дорн посмотрел на собеседника. Спиллер подтверждая, кивнул.

— Я тебе дам двух гнedyх скакунов. Они сделают тебе деньги.

— Они - лучшие? — забеспокоился Спиллер.

Барон и Амон с насмешкой посмотрели на сомневающегося Спиллера. Дорн успокаивающе сказал:

— Они лучшие в мире. Смело выставляй на скачках.

— Сколько? — деловито осведомился господин, имея в виду деньги.

— Услуга за услугу.

Спиллер задумался. Дорн посмотрел на Барона, многозначительно перевёл взгляд на бизнесмена. Барон тут же, незамедлительно пододвинул один из стоявших поблизости кресел Спиллеру. Тот, приняв заботу, грузно опустился в него. С озадаченностью посмотрел на Дорна.

— Признаться, мне легче заплатить, — сознался он. — Боюсь, услуга влетит мне в кругленькую сумму.

— Возможно, — согласился Дорн. — Но дело стоит того.

— В чём заключается услуга?

— Ты построишь храм.

Спиллер хмыкнул:

— Не ожидал встретить столь верующих, деловых людей. Храм - вещь дорогостоящая. Окупят ли мне его скакуны, ведь всего пять-шесть лет и конь уже никуда не годен.

— Только не гнедые, — возразил Дорн. — Они будут бегать, и бегать резво, пока будет стоять храм. Могу успокоить, найдутся ещё желающие помочь тебе в строительстве храма.

— И кому будет храм? Какой религии? Какие обряды будут совершаться в нем?

— Храм Люцифера, похоже, этим всё сказано

— Хо! — Спиллер выдохнув воздух, с изумлением уставился на хозяина. — Бог мой! Вы что сатанист?

— Магистр, — подал голос Барон, подсказывая.

Дорн задумался, вероятно, обдумывая заданный ему вопрос.

— Сатанист, — повторил он. — Нет, я б так не сказал. Скажем. Это моя прихоть.

— Странная причуда, — заметил Спиллер. — Кроме храма, больше ничего?

— Ничего.

— Отлично! Я пришлю своего адвоката, составим договор.

— Необязательно, — пренебрежительно махнул рукой Дорн. — Ты заинтересован, чтобы скакуны приносили доход. Я - чтобы храм был воздвигнут. Наши интересы - вот гарантия.

— Если так считаете, — неуверенно протянул Спиллер и тут же с вызовом добавил: — Скакунов я сначала проверю, так ли они хороши как Вы уверяете.

— Обязательно, — кивнул Дорн. — Пользуйтесь ими. Надо же как-то оправдывать расходы. Но будьте уверены, я буду в курсе всего. Человек с чертежами придёт завтра.

— О'кей, — согласился Спиллер. — Когда доставите животных?

— Они уже в твоих конюшнях и прислушайся к моему совету, этим животным нужна энергия. Много энергий. Одной травы мало. Белки.

— Хорошо, — озадаченно сказал Спиллер. — Им будут давать яйца.

— Нет, — жёстко блеснул глазами Дорн. — Мясо - вот нужный белок.

— Варить? — уточнил Спиллер.

— Зачем портить продукт? — ухмыльнулся Амон. — Кормите сырым. Вот увидишь им понравится.

— Что за животные такие? — воскликнул господин.

— Постройшь храм, догадаешься, — пообещал Дорн. Негромко хлопнул в ладони и в зал неслышно вошёл один из подчиненных Амона. — Проводи сеньора, — приказал Дорн и напоследок пообещал: — Спиллер, это не последняя наша встреча. Мы ещё увидимся. Удачи.

Перейдя на русский язык. Дорн, провожая взглядом спину Спиллера, сказал, обращаясь к сидящим в зале:

— Он первый опробует воздвигнутый храм в качестве жертвы. Изер, потом распорядись об установке алтаря, а для чего... — Дорн зловеще осклабился. — Спиллер узнает позже.

Светлана тихо кашлянула, Дорн повернулся к ней, устремив полыхающие огнём глаза:

— Не одобряешь? — мягко, как будто даже ласкою улыбнулся он.

Светлана отрицательно покачала головой и словно оправдываясь, сказала:

— Он же будет для Вас строить храм, зачем так жестоко с ним обходиться?

Барон, с иронией возведя очи к небу, процитировал Пушкина:

— «Таких как он, такая бездна!»

Дорн, соглашаясь, качнул головой. Скучающим, безразличным голосом, заметил:

— Саваоф не одобрит его сделку. А в моё царство он попадёт с церемонией достойной князя. Мы оценим заслуги Спиллера и воздадим по ним сполна.

— Светлана, присаживайся к нам, — позвал Барон из-за столика.

Амон, разлил коньяк по рюмкам.

— Нет, спасибо не хочется, — отозвалась девушка и осенённая внезапной мыслью, спросила: — Сир, Вы можете разговаривать с любым человеком на земле, невзирая на его национальность?

Барон, с иронией скосив глаз на девушку, поднимая рюмку, тихо сказал Амону:

— Ребенок ещё.

Последний соглашаясь, еле заметно усмехнувшись, кивнул.

Дорн, оставив без внимания перемигивания за столиком, ответил:

— Разумеется, я знаю все языки. Поскольку ты русская, мы предпочитаем говорить по-русски. Зачем тебе чувствовать себя изгоем в моём окружении?

— Но, это же огромное количество языков! — поразилась девушка. — Всё знать, невероятно!

— Мелочи, — презрительно скривился Дорн. — Ведь есть же люди, знающие десять, двадцать, тридцать языков, а это всего лишь люди.

— А как вы общаетесь между собой? На каком языке?

— Мысленно, телепатией. Мгновенная передача на расстояние информации, образов, — любезно откликнулся Барон, опережая Дорна. Тот с равнодушием отнесся к его выходке.

Светлана попыталась внести окончательную ясность:

— Сир, с людьми телепатически Вы можете говорить?

Амон фыркнул в свою рюмку.

Барон, закрыл глаза и со вздохом покрутил головой, словно пытаясь сказать: — «своей наивностью она загонит меня в гроб».

Не проявляя никаких эмоций. Дорн спокойно ответил, предварительно сурово посмотрев на Барона:

— Конечно, мы можем телепатически общаться и с человеком. Но посуди сама, вдруг неизвестный голос говорит с тобой, а вокруг никого нет. Испугаешься?

— Да, — созналась Светлана.

— А испуганный человек, зачем он нам? Не поговорить, не договорится. Это люди выдумали: мол, чем запуганней, тем дьяволу лучше. Вот и представляют нас чёрт знает кем. И не догадываются, что в сущности, они как мы. Да и зачем нам страшать, если можно спокойно, тихо, мирно, подойти к интересующей нас теме, интеллигентно по-джентельменски разобраться с ней.

— Да, — откликнулся Барон, — не так страшен чёрт, как его малюют.

— Изер не переусердствуй, — посоветовал Амон, — ещё нимб появиться.

— Я в том смысле, что им всё равно не постичь какие мы в действительности. На картинах пишут каких-то страшилищ, чудовищ. Разве мы такие? — улыбнулся, — Амон?

Амон весело осклабился:

— Нет, мы не такие, — согласился он с Бароном.

— Может, они пытаются изобразить вашу внутреннюю сущность, а не внешний вид, — предположила Светлана с лёгким вызовом.

— Может быть, — откликнулся Амон, — нужно будет увидеться с художником. По-дружески поговорить. Узнать чем мы не угодили, что малюют как хотят.

— Тебя это так волнует? — удивился Барон.

Амон отмахнулся:

— Нет конечно, просто интересно пообщаться с человеком связанным с искусством, может чего посоветую. Свою кое-куда...

— Интересно, а полиция ищет виновников происшествия на ипподроме, или только Спиллер нанял детектива для поиска?

— Ищет, — откликнулся Барон, — ищет Светлана, только найти не сможет. Юм, их по кругу водит.

— Почему же Спиллер нашёл? — посмотрела на Барона, Светлана.

Но за него ответил Дорн:

— Показали где искать. Направили Антонио по нужному следу.

— Вы всё знали и ждали его появления? — с ужасом уточнила девушка. На секунду, ей показалось, что бездна разверзлась под ногами, и из неё потянуло холодом безнадёжного предопределения, отчаяния, тоски. В эту секунду, сама жизнь предстала записью в журнале, со своим началом и концом. И невозможно изменить, потому что Судьба. Спиллер должен был быть на скачках. Увидеть вороного. Пожелать приобрести его. Он должен был прийти к Дорну. Светлана с удивлением констатировала не завершённость. Но должен ли он был, соглашаться с условием Дорна?

— Сир, Спиллер мог отказаться от Вашего предложения?

Спросила девушка.

Дорн отвернулся от камина. Амон и Барон, казалось, замерли в ожидании ответа. Вполне возможно, что Светлане показалось, но не исключено, что они прислушиваются к разговору.

— Он мог отказаться, — ответил Дорн и добавил с иронией. — Но он бизнесмен. Зачем ему отказываться от выгодной сделки? Скакуны принесут ему миллионы, а храм он построит руками бродяг и безработных, которые за мизерную плату, или за еду согласятся работать на него. Зачем ему связываться с профсоюзами?

Платить налоги? Не исключено, что пропавших без вести, со стройки людей, следует искать в «белках» скакунов. Спиллер будет мыслить глобально и не оставлять улики.

— Не могу поверить, — покачала головой Светлана.

Барон, всё-таки прислушивающийся к разговору, внезапно вернулся к теме искусства:

— Амон как ты думаешь, как изобразят на полотне внутреннюю сущность Спиллера художники?

Амон задумался. Цокнул. Повёл языком по клыкам:

— Нарисуют длинные зубы, — предположил он и добавил: — Окровавленные клыки, рот подбородок.

— Горящие алчностью глаза, — подсказал Барон.

— И руки, с длинными пальцами и острыми когтями, — закончил зарисовку портрета Спиллера, Амон. — Вот тебе Светлана и портрет дьявола. А с виду не скажешь. Такой солидный господин.

Закусив губу, девушка вздохнув еле заметно, покачала головой. В зале воцарилась тишина. Но ненадолго. Искося поглядывая на сидящих за столиком, девушка на конец, не выдержав, спросила:

— Почему вы так много пьете?

— Вот те на! — воскликнул Барон поперхнувшись, его рука с рюмкой замерла. — Никогда не подумал, что меня будут упрекать в пьянстве!

— Хлестать воду, что ли прикажешь? — проворчал Амон, опрокидывая рюмку коньяка в рот. Поставив рюмку на столик, посоветовал смутившейся Светлане: — Ты нас с людьми не сравнивай. То, что для них яд для нас отличный напиток.

— Может, только из-за него и стоило попутешествовать в этом мире, — поддержал Амона, Барон.

— Ну, извиняюсь, — улыбнулась Светлана и с любопытством поинтересовалась: — Почему коньяк, а не скажем... спирт? Он-то покрепче будет...

— Спирт для дам, — отмахнулся Барон. — Нам, что посолидней. И потом, коньяк более благородный напиток, нежели спирт. А вековая выдержка и вовсе делает его бесценным.

— Я думаю, — согласилась девушка, — если ещё его стоимость оценить в денежном эквиваленте.

Дорн неопределённо хмыкнул, выслушав диалог. Сказал ни к кому, не обращаясь, но явно подтрунивая над ними:

— У моей свиты, особое отношение к спиртному. Удивляюсь, как они ещё не прирастились к наркотикам..

— Магистр! — озадаченно воззвал к хозяину Барон. — Это же самое лучшее, что изобрело человечество за свою историю. Конечно, не без нашей подсказки...

Амон кивнул, соглашаясь:

— Как хорошо было раньше за рюмочкой, другой, подсказать человеку как избавиться от надоевшего соседа. Сейчас же чай, кофе, всё суррогаты, заменившие алкоголь.

Дружески хлопнув Амона по плечу, Барон с воодушевлением сообщил:

— Но теперь есть героин. Вот от чего люди действительно сходят с ума. С его помощью они получают возможность, заглянуть в иной мир. Посмотреть на владения

Хозяина, — саркастически улыбаясь, заметил: — Наркоманы, уже при этой жизни подыскивают себе «тёпленькое» местечко в Аду. К моему сожалению Сир, наркотики не берут нас. Да и времени мало, чтобы пристраститься. Ведь мы так редко бываем в мире людей

— Да? — Светлана была заинтригована. — А как же вы влияете на события, на людей?

— Через посредников, — охотно откликнулся Барон.

— Вселяетесь что ли?

— Вот ещё! — фыркнул Амон. — Какая глупость. В принципе конечно, можно... Но зачем? В людей вообще никто не вселяется. Разве что, мелкие бесы, да и они ненадолго, пошालят и отвалят.

— Я сама видела по телевизору, как священники изгоняют дьявола из человека. Асмодея, Везельзевула...

Огоньки свеч затрепетали, смех Сатаны прокатился по залу, заставляя дребезжать оконные стёкла.

— Шарлатаны. Все священники шарлатаны, — улыбаясь, сообщил Дорн Светлане, — говоришь, Асমেдея изгоняли? Ну-ну. До чего дошла людская наглость!

— Посредники? — напомнила девушка.

— Эти люди, которые сами возродили в себе кусочек тьмы. Мы общаемся с ними через сны, видения, реже - сами приходим.

— Но, — Барон, выразительно посмотрев на девушку, — никогда не вселяемся в них. Вероятно, священников сбили с толку сумасшедшие, страдающие истерией, эпилептики, и в конце концов маньяки, думаешь мало их на Земле?

— Хватает, — согласилась девушка. — Сир, разрешите Вас покинуть?

— Только до утра, — с иронией откликнулся Дорн.

— Как скажите, — вставая с кресла пробормотала Светлана, направляясь к лестнице.

За спиной погасли свечи, погрузив зал в полумрак. Огонь в камине, лишь слегка освещал комнату, отбрасывая на стены тени сидящих.

ГЛАВА 8

Это было фантастическое шествие: нескончаемый поток людей, собрал вокруг себя весь город. Туристы наводнившие улицы, прибыли поглазеть на это чудо из разных стран мира.

Затаив дыхание и позабыв на время все проблемы, неудачи и обиды, люди в этот день, отбросив расовые и религиозные различия объединились, чтобы провести три безумных дня, наполненных радостью и весельем.

Карнавальное шествие в свете прожекторов, вот изюминка на карнавале в Рио-де-Жанейро.

Светлана не могла оторвать глаз от грандиозного зрелища, рядом восхищенно вздыхала Катерина, теребя Валентина за локоть, привлекая внимание к той или иной группе.

Барон и Юм на удивление молчаливые, стояли тут же, рядом. Затаив дыханье, широко раскрыв глаза, девушка прильнула к перилам, почти свесившись с них,

стремясь хоть немного приблизиться, к сверкающему всеми цветами радуги — шествию. С высоты третьего этажа им было видно всё до мельчайших подробностей.

Весёлый бой барабанов, сопровождающий шествие, навязывал свой такт сердцу, нарушая его естественный ритм.

Перекрывая шум, стоящий неподалеку от Светланы Амон, заметил:

— Я вижу, зрелище тебе по душе.

Девушка обернулась. Подняла сияющие восторгом глаза, энергично закивала. Она заметила, что сама невольно пританцовывает, заворожённая музыкой и буйством красок. Музыка с трудом пробивалась сквозь людской шум, но и этого было достаточно, чтобы заразить и подчинить массы карнавальному ритму.

Свесившись с балкона, Светлана старалась получше рассмотреть наряды из разноцветных перьев. Амон, заметив движение не удержался от очередной колкости:

— Конечно, твоё дело, но люди стоящие внизу не будут в восторге от свалившейся на их головы девушки. Даже если она очень красива и сделала это из лучших побуждений.

— То бишь, Вы хотите сказать, чтобы я отошла от перил, — не оборачиваясь, уточнила Светлана.

Оторвать глаза от карнавала было выше сил, но всё же она услышала последнюю реплику Амона.

— Наконец-то, мы стали понимать друг друга.

Отступив назад, Амон закурил сигару. Барон присоединился, и они со скукой стали наблюдать за ходом карнавала.

Карнавал состоял из множества отдельных групп, и они сменялись, старясь подавить предыдущую группу буйством нарядов и танцами. Под балконом проплывали огромные, величиной с дом, сказочные птицы, корабли, острова с пальмами. А на них танцевали, грациозно извиваясь, девушки. Конкуренция проглядывала во всем, каждая из них стремилась перещеголять свою соперницу. На царственно плывущем корабле, на смотровой вышке, игнорируя страховочный шест, сверками белками глаз и сахарными зубками, пританцовывала смуглая танцовщица. Она с наслаждением впитывала восхищенные взгляды, к которым поспешил присоединиться и Валентин. Голубые и жёлтые перья едва прикрывали её тело. Светлана, бросив короткий взгляд на Валентина, не смогла сдержать улыбки, настолько он был очарован ею. Но увы, это продолжалось недолго. Корабль скрылся за поворотом, унося с собой девушку и затихающий барабанный бой.

Следовавший за ним огромный макет павлина, сопровождался другим ритмом и мелодией. На голове птицы, как корона, извивалась новая, смуглая красавица. Подобно змеям, нитки бус обвили её тело, делая его более тонким и притягательным. Валентин вновь был покорён.

Юм, молча наблюдавший карнавал подал голос:

— Это безобразие!

Барон, дымя сигарой, хмыкнул, по-видимому выражая солидарность.

Валентин, смущённо кашлянул, неуверенно заметил:

— Действительно. Едва прикрыта. Безобразие, — но его глаза неотрывно следовали за движениями танцовщицы. — Хорошо, что Катерина послушалась меня и оделась более прилично.

Краешком глаза, Светлана заметила гримасу, которую скорчила Катерина в ответ на слова друга. Позади снова слышался голос Юма:

— Валентин, я не это имел в виду. Безобразие, что они вообще прикрыты! Что за издевательство! Завтра, половина населения окажется больной. Ну ладно не думают о себе, пусть хоть о туристах побеспокоятся! Каково им завтра, поутру, лететь домой или сидеть в аэропорту?

— Что мне в тебе нравится, так это забота о ближнем, — с нежностью проговорил Барон.

— Да, всё в трудах и трудах, — пожаловался Юм,

— Что предпримешь? Как поможешь будущим больным? — указывая коротким кивком на волнующую толпу людей, спросил Барон.

Танцовщица на птице поравнялась с балконом. Катерина, которая чудом умудрялась, следить за шествием и одновременно не упускать нить разговора, обернулась:

— Юм я тебя очень прошу, не порть людям праздник.

Кот возмутился:

— Я разве порчу? Разве я порчу этим?

Дружный вздох пронёсся над толпой.

Бусы, обвивающие девушку, сверкая в свете прожекторов посыпались вниз, на дорогу обнажая изящную фигуру танцовщицы.

— Кашу маслом не испортишь, — важно изрёк Юм.

Барон присвистнул, и с широкой улыбкой поинтересовался:

— И это твоя забота? Уверен, что поможет?

— Вполне, — отрезал кот.

— Сдаётся мне, эффект будет обратный, — засомневался Барон.

А танцовщица будто и не заметила случившегося, весело вертела крутыми бедрами, потряхивала грудями. Зрители поддержав криками, восприняли её раздевание как должное.

Павлин уплыл за поворот, уступая место группе с шестом. Его нёс мужчина, одетый под шамана. Шест высотой в пять метров, венчался диском, изображающим солнце. Длинные ленты всех цветов тянулись с кроны, опускаясь к людям, окружающим парня. Украшенные оранжево-алыми перьями, они пританцовывали и звенели украшениями. Дойдя до места, где столь внезапно обнажилась танцовщица на павлине, они неожиданно остановились. Добрая половина группы, синхронно, выбросив ноги, опустилась на асфальт. Шест заметно покосился, увлекаемый лентами вниз.

— Похоже, дело движется к закату, — громко съехидничал Барон.

Упавшие стали неуклюже подниматься на ноги, стараясь не выпасть из ритма. Зрители громко засвистели, слышался смех. Следующая за ними группа напирала, вынуждая «шамана» с лентами и свитой неуклюже, поспешно освободить место, дабы не образовалась свалка. По мере возможности, согласовывая движения в такт бою барабана, группа потерпевшая неудачу скрылась за поворотом.

Катерина сверкая глазами, обернулась и смерила уничтожающим взглядом стоящих позади:

— Кто это сделал?

— Что? — невинным голосом поинтересовался Барон.

— Это, — ответила Катерина, считая столь короткое слово достаточным пояснением.

— «Этого» никто не делал, — любезно улыбнулся Барон.

Юм солидарно кивнул.

— Почему же они упали?

— Бусы, — бросил Барон, разъясняя ситуацию.

Юм же пояснил более подробно:

— Бусы рассыпались. Наступив на них, танцоры упали. А как не упасть... бусы то круглые. Так и катятся... Вот они и покатались...

— Достаточно, — остановил Барон. Указав глазами вниз, заметил: — Вот и другие «покатались».

Усилившийся смех в толпе, подтвердил его слова. Теперь уже многие зрители с интересом ожидали следующую группу скорее, не из желания увидеть их выход, а посмотреть не поскользнуться ли они тоже. Делались ставки, заключались пари. Жизнь забурлила с новой, силой.

Глаза Юма заискрились азартом.

— Сейчас оргию устроим, — заговорщицки прошептал он.

Вся одежда: перья, бусы, материя, внезапно потеряв застёжки, тесемки, кнопки, пуговицы, булавки, завязки, полетела вниз. Оставляя фигуры танцующих без прикрытия.

— Хватит, — остановил Юма, Барон. — Я вижу, об оргиях у тебя ограниченное представление

— Научи, — оживился кот.

— Как-нибудь, — неопределённо пообещал Барон.

Карнавальное шествие, как ни в чем не бывало, продолжалось. Обнаженные танцовщицы, словно получив возможность показать себя во всей красе, весело и зажигательно отплясывали танец. Зрители подбадривая, свистели и кричали что-то.

Спустя пару часов Амон и Барон исчезли, предупредив остальных, что этой ночью они покидают Бразилию и посоветовали не задерживаться на карнавале.

Разочарованно вздохнув, Катерина и Светлана пообещали скоро прийти, оставив всякую надежду дожидаться восхода солнца вместе с жителями и гостями Рио-де-Жанейро. Что касается Валентина и Юма, то они полностью удовлетворившись происшедшим, скучали. Карнавал утратил для них своё очарование.

Незадолго до восхода солнца, они прибыли на пристань.

«Летучий голландец» подняв якорь, он покинул берег Бразилии.

— Мы вошли в Тихий океан, — сообщил Барон находящимся в кают-компании. Его слова не вызвали никакой реакции.

Валентин и Юм по-прежнему гоняли шар по бильярдному столу, а Катерина и Светлана пытались «выжать» что-нибудь интересное из телевизора.

Переждав немного, Барон заговорил снова и на этот раз сообщение произвело больший эффект. Он сказал как бы между прочим:

— Через несколько дней путешествие подойдёт к концу. Мы оставим этот мир

— Давно пора, — откликнулся Юм, взглядом провожая шар в лузу. К его великому сожалению, шар был забит Валентином. — Впрочем, я давно знал.

— Я сказал не тебе, — огрызнулся Барон и перейдя на более любезный тон, уточнил: — Я сказал нашим дамам... И Валентину. Если ему это интересно.

— Интересно, — отозвался Валентин. — Решение Дорна мне по душе. Этот мир стал очень шумным. Я бы сказал безумным.

Катерина соглашаясь, кивнула.

Светлана оцепеневшая, после сообщения, пыталась прийти в себя и унять бешено бьющееся сердце. Прошло некоторое время, прежде чем немного успокоилась. Катерина увлечённо нажимающая кнопки пульта управления телевизора не заметила внезапную смену настроения девушки. Теперь она была чем-то подавлена и грустна, задумчиво смотрела на экран, но похоже не видела ничего, полностью ушла в себя, в свои мысли.

Спустя с полчаса, поднявшись со стула девушка тихо покинула кают-компанию.

Выйдя на нос судна, облокотившись о перила, подставила лицо встречному ветру. Через несколько минут, подскочивший пёс попытался языком дотянуться до лица. Строго приказав Псу сидеть, Светлана оглянулась, догадавшись, что не одна. В метрах шести, развалившись в кресле сидел Амон и прищутив глаза наблюдал за ней. Текли секунды, они молча смотрели друг на друга.

Отойдя от перил, девушка подошла и села в кресло напротив. Пёс, подчиняясь животной беспардонности занял третье кресло, положив голову на мягкий подлокотник. Алыми глазами уставился на хозяина, время от времени переводя их на сидящую напротив девушку. Словно безмолвно следя за беседой, Пёс прислушивался к каждому.

Мельком бросив взгляд на свернувшегося в кресле пса, девушка тут же перевела его на Амона.

— Вы знали, что ещё несколько дней и путешествие окончится? — замирая сердцем, спросила Светлана.

С безразличием пожав плечами, с ленцой Амон ответил:

— Знал. Но разве, это имеет какое-то значение?

Глубоко вздохнув, Светлана горько хмыкнула и уводя глаза в сторону, пробормотала:

— Могли бы раньше предупредить, известие буквально ошеломило.

— Ба! — воскликнул Амон. — Что это тебя так взволновало? Ну уходим. Что такого?

Только что замиравшее сердце, внезапно перешло на бешеный ритм. Пытаясь успокоиться, или по крайней мере выглядеть таковой, проведя пару минут в борьбе с собой, приглушив эмоции, Светлана спросила:

— Вы теперь убьете меня? — и замерла в ожидании ответа.

Амон медлил и эти несколько секунд показались ей вечностью.

Сложив руки на груди, Амон с любопытством поинтересовался:

— Почему боишься смерти? Я думал, ты узнала достаточно, чтобы понять, — увидев, что напряжение не покидает её, поспешил добавить: — Нет. Я не убью. Об этом уже был разговор. Ты покинешь этот мир по своей воле, судя по твоей реакции, время ещё не пришло. Почему ты боишься? — повторил он настойчиво.

Немного успокоившись, девушка попыталась осмыслить его вопрос.

— Смерть - черта, откуда не возвращаются, билет в один конец.

— Реинкарнация, — откликнулся Амон.

— Да. Но человек не помнит, что было там. Незнание - вот что пугает, и ещё... боль. Человек боится боли.

— Тебе не будет больно, — весело пообещал Амон. — Насчет незнания. Лучше увидеть самой. Но я обещаю, там нет мрака, небытия. Есть жизнь. Иная жизнь. Полная энергии и свободы. Она гораздо лучше, нежели здесь. Тут всё в состоянии «куколки». Там же нет ограничений. Раскрывается мир, космос, Вселенная...

— Даже в Аду? — с недоверием посмотрела на него Светлана.

— Ужасы Ада тебя не коснутся. Ты достаточно выросла духовно, чтобы не погрязнуть в материи, — непонятно ответил Амон. Но даже эта непонятность подействовала успокаивающе.

Светлана с интересом спросила:

— Тогда, как поступите со мной, не забирая «туда»?

— Любопытство... Любопытство, — тягуче протянул Амон. — Ну, хорошо... Будешь жить в Южной Америке - Колумбии. Как тебе это?

— Почему бы не в России? — нахмурилась девушка. — Как-никак моя Родина.

— Именно поэтому, туда тебе путь закрыт.

— Можно узнать причины?

— Извольте, — он пожал плечами, — ты уже не принадлежишь этому миру. — затем склонился к Светлане: — Напомнить, кому принадлежишь?

Отводя глаза в сторону, девушка вздохнула:

— Помню.

Амон продолжил:

— Ты здесь чужая. Поэтому будешь жить в другой стране. В любой, но, не в России.

— Никогда? — с ужасом уточнила Светлана.

Амон неопределённо повёл рукой и оставив вопрос без ответа, откинувшись на спинку кресла, сказал:

— Что касается Колумбии. Там будет вилла, охрана, сигнализация, и куча денег. Уж в этом-то недостатка не будет. Единственный недостаток в общении. При желании можешь завести подруг, — усмехнулся, — у тебя хорошо получается, ты быстро находишь друзей. Встреча с нехорошими людьми тебе не грозит...

— Постойте, — остановила его Светлана. — Из всего сказанного я поняла: Вас... на вилле не будет?

— Прискорбный факт, — весело рассмеялся Амон. — Да. Девочка, я ухажу за хозяином.

— И когда состоится следующая встреча? — замечая, что у неё снова замерло сердце, спросила девушка.

— Немногим больше года. Но вполне вероятно, могу навестить и раньше посмотреть как устроилась.

Девушке показалось, что внутри что-то оборвалось. С удивлением она призналась себе, что ей не хочется расставаться с Амоном. Как она его мысленно

называла: мой Ангел хранитель, мой Ангел смерти. Как ни странно эти два понятия слились воедино в этом рыжем дьяволе.

Убрав улыбку с лица, Амон стал серьёзным, а его взгляд изучающим. Похоже, он уловил смятение душе девушки и теперь выжидал.

Светлана подняла глаза, стараясь скрыть грусть спросила:

— Почему чаще не можете? А как же слова, что Зло ходит по Земле?

— Мы «ходим» в другом измерении. Нас не видно, но мы может влиять на события и людей когда и как захочется. Я и виллу могу посещать, только ты меня не увидишь. Потребуется много энергии, чтобы постоянно переходить грань. Могу предложить другое.

— Подождите, — снова остановила Светлана, пытаясь разобраться в сказанном, — но мы же часто были в другом измерении, и похоже, трудностей с переходом не возникало.

— Создаётся впечатление, что ты заинтересована видеть меня чаще, — ухмыльнулся Амон. — Я не любитель трепаться, но по-видимому сейчас придётся много объяснять. Нужно внести ясность.

— Пожалуйста. Я действительно ничего не понимаю в измерениях.

— На Земле мы пользуемся пятым измерением, только и всего. Нас могут слышать, но не видеть. Помнишь, в городе на тебя налетали люди, они не видели, но физически ощущали. Когда же мы покинем этот мир, то возвращение в него потребует много энергии, поэтому мы наблюдаем за людьми и влияем на них из другого мира. Мы рядом, но люди не видят и не слышат, и проходят сквозь нас. Мир людей, подобно коридору между Светом и Тьмой.

— Значит, Вы можете каждый день бывать на вилле, а я об этом не буду знать, — подытожила Светлана.

— Натурально так, — кивнул Амон. — Встань на пути, ты пройдёшь сквозь меня.

— Бр-р-р, — поёжилась будто от холода, представив такую ситуацию. — Не совсем поняла, как это происходит, — призналась Светлана.

Амон жёстко улыбнулся:

— Я понимаю и знаю, как всем этим пользоваться, а вот объяснить - гораздо труднее.

— Как неандертальцу объяснить устройство ядерного реактора, — подсказала, невесело улыбнувшись, девушка. — Может вы не дьяволы, а инопланетяне?

— Не говори глупостей, — фыркнул Амон. — Мы - само мироздание. Но вот что интересно, некоторые люди, единицы, способны увидеть и другой мир. Словно перед ними грани тают.

— Не слышала о таких... — с сомнением сказала Светлана. — Иначе об этом трубили во всех газетах и интернете.

— Не слышала, говоришь, — повторил он. — Думаю, слышала и даже не раз.

— Что за люди такие? — воскликнула удивлённо Светлана.

— Алкоголики.

Светлана недоверчиво посмотрела на Амона:

— Шутите?

— Не всё, конечно, но есть некоторые кто действительно способны увидеть «иной мир».

— Белая горячка?

— И она тоже, — кивнул дьявол. — Галлюцинации - окно в «иной мир». Я иногда навещаю их в психиатрических клиниках, бывает забираю с собой, — глаза дьявола засветились. — Забавно нашептывать как сделать петлю, или как распороть ножницами себе живот. Иной раз и советовать не надо. Увидит, как я слился с ним вошёл в него, и чего только не изобретает, чтобы выгнать. Ему и невдомёк, что я совсем в другом мире, и между его телом и мной граница, которую не сможет разорвать ни одно оружие. Только разум способен её преодолеть. А этот несчастный и спицы в себя втыкает, режет вены, просто вешается. Интересно...

— Развлечения у Вас... — Светлана замолчала не в силах подобрать подходящее слово.

Огонь в глазах дьявола померк, он криво усмехнулся:

— Человек, увидевший дьявола под воздействием наркотиков или алкоголя, чаще всего попадает под его власть. Его разум, энергия, слабеют. Становятся доступными и он сам отдаёт себя в руки Сатаны. Ну вот, когда мы немного разобрались, выслушай, что ещё могу предложить.

— Кроме виллы? — уточнила девушка.

— Да. Это остров в «другом мире». Небольшой. Там есть дворец, слуги, вокруг хороший пляж и, никаких людей. Никогда... Если попадёшь на остров, назад пути не будет.

Светлана вздрогнула. Озноб пробежал по телу. Глубоко задумалась. Искоса посмотрев на Амона, поинтересовалась:

— На острове я тоже буду одна?

— Разумеется. Но видаться будем гораздо чаще.

Наблюдая за ним, девушка заметила замешательство, по-видимому он хотел ещё что-то сказать. С удивлением она отметила, что он как будто немного смущён, когда негромко добавил:

— Лучше, если ты остановишься на втором варианте.

— Мне ответить сейчас или есть время на раздумье? — спросила Светлана и почувствовала как тяжёлый груз лёг на плечи.

Она ещё не разобралась в себе, а тут уже надо решать свою дальнейшую судьбу.

Амон склонил голову:

— Времени - два дня. Затем я хотел бы знать твоё решение. В противном случае поступлю так, как сочту нужным.

Он встал с кресла и поднялся на нос судна.

Светлана несколько минут изучала узор ковра, затем поднявшись подошла к Амону.

Почувствовав приближение, он обернулся.

— Я дам ответ, — твёрдо пообещала она.

Амон кивнул. Его лицо было спокойным, даже каким-то умиротворённым. С удовольствием подставляя лицо ветру, он смотрел вперёд.

Светлана окинула взглядом безбрежный горизонт и холод проник в её душу. Великий океан раскинувший бескрайние просторы дал понять, почувствовать, насколько она ничтожна во Вселенной, и одинока. Ей стало страшно.

— Амон, обними меня, — тихо, еле слышно попросила она.

Амон шевельнулся, спокойно, без тени насмешки обнял за плечи и притянул к себе. Тепло тела и жар рук, растопили страх и холод. Светлана глубоко вздохнула. В его объятиях, она чувствовала себя сильнее, спокойнее и ей было просто хорошо. Она нерешительно протянула руку, положила её на пояс Амона. Ничего не сказав, он лишь сильнее прижал девушку к себе, окончательно изгоняя холод из сердца. Девушка снова глубоко вздохнула и прижалась к нему словно ища защиты, покровительства. Она приняла решение, но скажет ему, только через два дня.

Она посмотрела вперёд, туда, куда прикованы были горящие закатом глаза дьявола. Сегодня закат был особенно красив.

Солнце опускалось в воду а по обе стороны громоздились будто гигантские горы, кучевые облака. Золотистые вершины подобно куполам, сверкали в небе, которое медленно меняло цвет на более тёмные тона.

Солнце наполовину погрузилось в океан. Жёлтые блики заиграли на корпусе судна, покрывая позолотой.

«Летучий голландец» горделиво задрав нос, рассекал золотые волны, двигаясь за уходящим светилом.

Девушка подумала, что в путешествии, если не считать Италии, судно упрямо двигалось на запад, наперекор вращению Земли.

Последний раз, поманив лучом солнце ушло за горизонт.

Вдруг девушка изумленно вздохнула воздух. Яркий, зеленый свет на несколько секунд повис над океаном и исчез. Небо приобрело густой, синий цвет, появились первые звезды. Лишь вершины кучевых облаков по-прежнему отливали позолотой показывая, что светило не исчезло, а здесь, рядом.

— Что это было? — поинтересовалась девушка, имея в виду зелёный луч.

— Так... — пожал плечами Амон, — световой эффект. Довольно редкий.

— Очень красиво, — восхищённо произнесла Светлана, скользя взглядом по горизонту. Но солнце уже ушло и даже купола облаков утратили своё золото, теперь они были просто светло-голубыми.

— Амон, — позвала девушка. Океан придавал новое направление мыслям.

— Да..., — ответил он.

— Правдиво ли сказано в Священном писании, что якобы Сатана искушал всеми царствами мира Иисуса?

— Да, — последовал незамедлительный ответ.

— Неужели он так его ненавидел?

Амон несколько задержался с ответом. С неохотой, процедил сквозь зубы:

— Он любил его.

— Что? — растерялась девушка, сомневаясь правильно ли она расслышала и поняла, уточнила: — Дорн?

— Тебе это кажется невероятным? — наконец, обратил на неё взор Амон. Вопрос прозвучал с насмешкой и некоторой долей иронии.

— Но Сатана, — пробормотала Светлана считая, что этим всё сказано и объяснено.

— Значит, кроме злобы и ненависти он ничего не может чувствовать? — С усмешкой заключил Амон. — Ты ошибаешься. Ведь Бог может гневаться, карать.

Девушка пожала плечами:

— Наверное.

— Тогда почему Сатана не может любить и награждать?

— Я... Я не знаю, — прошептала девушка совсем сбита с толку. Все суждения и понятия ломались и рассыпались, как «карточный домик». Она вспомнила о симпатии Дорна к главной ведьме Ануре. Его снисхождение к выходкам своей свиты. Даже в разговорах о Всевышнем, он говорил без злобы а с разочарованием, словно был огорчён, что не был найден «общий язык» и его убеждения не были разделены. Он поддерживал людские нападки на создателя, говоривших хульное в его адрес, но сам как бы стоял в стороне. Мысли девушки понеслись вскачь, обгоняя друг друга. Внезапно она подумала, что грядущая Битва между Светом и Тьмой, не что иное, как попытка отстоять своё мнение, взгляды. Возможно, что бы потом сказать: «Я был прав». Девушка глубоко вздохнув, вернулась к недавнему разговору.

— Амон, значит Вам не чужды и другие чувства? Любовь, например? Привязанность?

— Натурально, не чужды, — как-то невесело ухмыльнулся дьявол. — Это сильнейшие чувства: любовь и ненависть. Они способны как созидать, так и разрушать. На них стоит Мир. Не будь этого - миром бы правил Местр, бесстрастный и равнодушный. Одно слово Смерть. Никакой энергии, никакой жизни!

— «Ради нашей любви, весь - этот мир придуман», — тихо вздохнув, пробормотала Светлана.

— Что? — поднял бровь Амон.

— Слова из песни, — пояснила она. — Почему-то они мне сейчас вспомнились

Хмыкнув, Амон отвернулся разглядывая гладь океана. Помолчав несколько минут. Светлана сказала:

— Я заметила, Вам нравится смотреть на океан. Но, что могло привлечь там внимание? Одна вода. Гораздо интереснее встречать восход и провожать закаты.

— Ты сама ответила на свой вопрос, — откликнулся Амон. — Как сказал мой тёзка: «Есть даже в океане На что смотреть, не всё пустая гладь. Там видно, как не устаёт играть Твоею жизнью волн чередование...».

На этот раз девушка, неопределенно хмыкнув замолчала, глубоко задумавшись.

Облака над горизонтом растворились во мраке. Холодные звезды усыпали небо. Светлана пошевелилась, повернула голову всматриваясь в лицо Амона.

— Амон, почему Вы хромаете, но как-то временами?

— Сегодня задаёшь много вопросов, — недовольно процедил он.

Светлана с вызовом подняла подбородок:

— Прежде чем уйдёте в преисподнюю, мне бы хотелось удовлетворить свое любопытство

— Почему хромаю, — повторил Амон. — Скорее в силу привычки. Когда-то я являлся людям с копытом, сейчас это отошло в прошлое.

— Почему?

— Раньше, опираясь на предрассудки, человека было легче взять на испуг. Сейчас в ужасиках и не такое показывают. Нет.... Современный человек - делец. С ним лучше говорить языком цифр, исчисляющих количество денег. Рога и копыта ушли в прошлое. Сейчас только деньги и власть с реальным, логическим подходом. Мир программ и компьютеров...

— Никогда бы не подумала, что дьяволы могут вести столь тонкую игру.

Созналась девушка. Амон в ответ махнул свободной рукой в воздухе.

— Нет, играли мы раньше, а теперь притворяться не надо, кругом «свои» люди. Может, ты заметила, как изменился мир? Он стал жесток, безжалостен.

Светлана грустно кивнула:

— Да, мир суров и жесток. Создатель отвернулся от него.

— Нет, — весело улыбнулся дьявол, в его глазах на секунду полыхнул огонь, — нет, - отвернулись люди. Это они отвернулись от создателя. Они больше не верят. Они хотят не пустой веры, а доказательств, подчиняясь всё той же логике. — Он помолчал, затем внезапно поинтересовался: — Ты уже попрощалась с Катериной?

— Нет, мы ещё увидимся, — возразила Светлана.

— Не увидите Этой ночью, Дорн отправляет их назад. Наверное, Катерина не любит долгих расставаний.

— Но она сама только что узнала о предстоящем конце путешествия

— Знала уже несколько дней, вероятно, не хотела тебя расстраивать. Прими мой совет: не ищи встречи. Пусть последние часы на Земле, она проведёт, так как ей хочется.

— Амон, корабль ещё два дня будет плыть, почему их отправляют раньше? Согласно желанию, их желанию?

Он пожал плечами:

— Мир, для них стал слишком шумным, безумным. Они пожелали покоя.

Светлана огорчённо поникла.

— Жаль ...

— Не думаю, что Катерина жалеет. Конечно, она привязалась к тебе, но с радостью покинет Землю. Здесь её ничто не держит, — покосился на девушку, — как впрочем, и тебя...

Пёс, которому прискучило одинокое лежание в кресле, спрыгнув, подошёл к стоявшим на носу судна. Громко чихнул, привлекая к себе внимание. Клацнули зубы, в отчаянном зевке. Выпуская девушку из объятий, Амон обернулся:

— Смотри, как настойчиво пытается привлечь наше внимание к своей персоне,

— Вы его заберёте? — повернувшись, девушка посмотрела на чудовище.

Пес чёрным пятном расплывался в сумерках.

— Конечно заберу, — с иронией добавил: — Тем более его желания, мне спрашивать не надо.

Ещё раз, посмотрев на пса и его хозяина, девушка сказала:

— Пожалуй, я пойду в каюту.

— Проводить? — любезно поинтересовался Амон, с еле заметной насмешкой.

— Дальше судна не уйду, — отмахнулась девушка, ступая по мягкому ворсу ковра исчезла в темноте.

Проводив взглядом, Амон перевёл его на Пса:

— Ты-то меня не оставишь? — тихо сказал он, заглядывая в преданные собачьи глаза.

Пес чихнул, словно выражая своё согласие.

Следующей день был точной копией предыдущих, если не учитывать отсутствие Катерины и Валентина.

Свита Дорна, пребывая в кают-компании, предавалась возлияниям. Корабль был погружён в оцепенение. Воздух, казалось, завис плотной, удушающей стеной через которую пробивалась судно, держа путь всё дальше - на запад, в океан.

Стоял мёртвый штиль.

Девушка, поддавшись всеобщему настроению, ходила оцепеневшая, потерянная. Тыкалась во все помещения не находя себе места. Пёс, как привязанный повсюду следовал за ней, опустив голову до земли и поникнув остатками хвоста.

Делая обход судна, Светлана не могла не заметить, что свита Дорна, стала относиться к ней несколько иначе, как будто больше почтения, появилось в обращении. Исчезла наигранная любезность Барона, теперь он со всей серьёзностью приветствовал её в кают-компании.

Дорн по-прежнему не появлялся. Юм, оставив шуточки, с тоской время от времени поглядывал на безоблачное жаркое небо.

Амон был угрюм и молчалив, а бутылка коньяка стоявшая на столике, спустя короткий отрезок времени заменялась следующей. Девушка с радостью дождалась захода солнца и пораньше ушла в свою каюту. Ложась спать, с огорчением подумала, что сегодня Амон её совсем не замечал, скользил мимо взглядом полным равнодушия и скуки. Прежде чем окончательно погрузиться в сон, Светлана с удивлением отметила, что равнодушна к дьяволу и даже больше. Но о большем, она даже мысленно не смела признаться себе, похоже, дьявол слишком глубоко проник в душу и надолго поселился сердце.

Утром, разбудил звук удара кинжала о дерево. Узнав звук, девушка с радостью повернулась в его направлении. Амон, как и раньше, сидел в кресле метая кинжал в стену. Окинув взглядом каюту Светлана заметила, что пёс почему-то отсутствует. Дождавшись, когда кинжал вернулся в руку Амон, обернувшись, насмешливо возвестил:

— А вот и девочка проснулась.

Потянувшись всем телом, с утренней хрипотцой в голосе, Светлана заметила:

— Вчера видеть меня не хотели, а сегодня разбудили.

— Никак «мы» огорчены вчерашним? — с живым интересом спросил Амон, оставляя без внимания последнюю реплику.

Девушка замялась, почувствовав, что краснеет отвела глаза в сторону и тихо еле слышно ответила:

— Вообще-то... Немного.

Мягким, грациозным движением, Амон покинув кресло крадучись, словно огромная кошка, приблизился к кровати.

— Сдаётся мне, не всё сказано, — бархатистым голосом «промурлыкал» он.

На секунду, внутренне сжавшись, девушка напряглась, после, расслабившись и пряча лицо в ладонях, пробормотала:

— Кажется, я к Вам привязалась... Может, влюбилась?

Она не смела поднять глаза на дьявола в страхе увидеть его ехидную ухмылку.

Амон мягко и нежно отвёл руки от лица. С неуверенностью подняв на него глаза, она замерла. Улыбаясь, он смотрел на неё с такой теплотой и нежностью, чего она в нём и не подозревала. Нагнувшись, веселым заговорщицким тоном, прошептал на ухо:

— Откровенность за откровенность. Я давно ждал эти слова и теперь могу сказать тебе то же самое.

— Ну, да, — недоверчиво пробормотала девушка, пытаясь ускользнуть от него.

Целуя. Амон с некоторой гордостью заметил:

— Мы всегда откровенны с людьми. На правильно поставленный вопрос, отвечаем откровенно. Это закон.

Светлана тихо вздохнула, отдаваясь его ласками. Скованность и неуверенность прошли, казалось тело само знало, что делать, чтобы полностью погрузиться в негу любви, закружиться в водовороте сладостных чувств! Она не заметила, когда перестала быть девушкой, может именно в тот момент, когда закричала от ощущений, которым не место на Земле, настолько прекрасны и сильны они были. Она медленно всплывала на поверхность, море любви с неохотой выпускало её из своих объятий. Дыхание никак не хотело прийти в норму, и легкие судорожно качали воздух, стараясь быстрее обогатить тело кислородом. Амон сидел рядом, играя её волосами. Она повернулась к нему и, посмотрев на него расширенными зрачками, прошептала:

— «Там с телом сплеталось горячее тело. Казалось, что в пламени, пламя горело». Амон, теперь я понимаю эти стихи. В любви действительно, сгораешь без остатка.

Амон улыбнулся, даже клыки не смогли испортить его улыбку;

— Девочка моя, и это не всё.

В изумлении глаза девушки распахнулись, казалось они пытались вобрать в себя весь мир:

— Мне показалось, я умерла. А Вы говорите, что не всё.

— Не всё, — упрямо повторил Амон, поцеловав добавил: — Ты прекрасна.

— Наверное, я согрешила, — предположила девушка и рассмеявшись, добавила: — Но я совсем не огорчена. Я счастлива.

— Разве можно согрешить любовью? Бескорыстной и светлой? Нет. Твоя душа, по-прежнему чиста и непорочна. И небеса распахнут перед тобой врата, открывая дорогу к Свету. Но пока ты принадлежишь мне. Я думаю, ты захочешь чаще встречаться со мной, и приготовил остров в другом мире. Он уже ждёт тебя, но ты вправе остановиться на вилле.

Слегка потянувшись, она накрыла ладонью его руку, заглянула в глаза.

— Я не хочу на остров, — и с удовольствием заметила, как он растерялся.

Но тут же взяв себя в руки. Амон уточнил:

— Значит - вилла?

— Нет, — покачала головой девушка, разметав по подушке волосы, — я иду за тобой в преисподнюю.

— Ты хорошо подумала? — нахмурился Амон. — Можешь ли ты без отвращения и страха общаться с поданными Дорна. Сможешь ли их полюбить? Они

так нуждаются в любви духовной, чистой и светлой. Той, которую может принести лишь посланец от Яхве, человек добровольно спустившийся в Царство Тьмы.

Он внимательно взгляделся в лицо, читая мысли.

Сбросив шкуру пантеры, Светлана вскочила с постели, встав перед дьяволом, нагая и прекрасная.

— Да. Я смогу полюбить подданных Дорна. Если уж полюбила дьявола, то и эти несчастные не окажутся в стороне. Да, я хочу быть с ними, и с тобой.

Амон озабоченно посмотрел на девушку. Растягивая слова, сказал:

— Ты наверное не догадываешься, но последовав за Дорном, обретёшь огромную власть. Фактически, станешь королевой. Сможешь вставить слово в защиту несчастного и оно будет услышано, станет весомым. С твоим мнением, будут считаться!

Амон встал с кровати, приподняв рукой подбородок девушки, заглянул в глаза:

— Может, в тебе говорит честолубие? Как когда-то сказал Хозяин: «Лучше править в Аду, чем служить на небесах». Может опираясь на это, ты приняла решение?

Сбрасывая оцепенение, Светлана весело рассмеялась. Отошла от Амона, одеваясь, сказала:

— Разумеется - нет. Зачем мне власть? Я искренне беспокоюсь о людях и желаю им только добра. Если в моих силах скрасить их существование, я выбираю Тьму. Ты недоволен?

Отвернувшись к стене, стоя к девушке спиной, с какой-то злостью Амон проговорил:

— Дорн был прав. С самого начала! Он был уверен, что ты пойдёшь за нами и принесёшь свет в его царство.

Почувствовав по голосу, что-то неладное, Светлана прицепив ножны к поясу, подняв голову с беспокойством спросила:

— Но, в чём дело?

— Ты уже не будешь принадлежать мне полностью, я буду твоим покровителем, но не хозяином.

— Но я же останусь с тобой, — возразила девушка.

Амон резко обернулся. Его глаза сияли огнём и любовью. Но, лицо было спокойным, холодным, даже бесстрастным.

— Да. Мы будем вечно вместе, и к твоим услугам будет всё царство хозяина Тьмы. Только ты сможешь оказывать милосердие.

Амон улыбнулся. На секунду обняв, притянул девушку к себе, поцеловал. И тут же став серьёзным, предложил руку.

— Пойдём, нас ждут.

Они покинули каюту. Ступив на палубу корабля девушка изумлённо вздохнув, прижалась к дьяволу, словно ища защиты.

Вокруг судна царил истинный хаос. Вчерашний зной не прошёл даром. Мёртвый штиль превратился в полную противоположность, в океане бушевала буря, вздымая массы воды. Огромные волны обступили корабль, но странное дело, корабль не теряя плавного хода, спокойно двигался вперед, волны сами уступали ему дорогу. Ни разу,

корма не содрогнулась от удара очередного вала. Волны превращались в водяную пыль, туманом окутывая судно.

Был день, но одновременно была и ночь.

Грозовые тучи в несколько слоёв покрыли небо. Солнечные лучи, были не в силах пробиться через этот заслон. Но не только это поразило Светлану, сам корабль стал старым, трёхмачтовым судном, сбросив мишуру современной яхты. Единственно, что осталось, так это ковры которые щедро устлали деревянную палубу корабля. Амон, ободряюще пожав руку, повел на нос корабля. Там Светлана увидела Дорна, величественно восседающего в кресле с высокой спинкой изображающей чёрные, полураскрытые крылья. Его правая рука покосилась на подлокотнике, а левая опиралась об эфес шпаги, светящейся голубым светом молнии. В ногах Дорна сидел на коврах, подогнув под себя ноги Барон, тут же рядом чинно сложив лапы вместе, как образцовый кот восседал Юм.

Амон подошёл к Дорну.

Оторвав взгляд от океана, Дорн повернулся, изучая вновь прибывших. Огонь полыхнул в его глазах.

Амон, почтительно вынув стилет из ножен девушки, крадучись приблизился к Дорну, опустившись на колено протянул стилет.

Дорн, склонив голову, подняв руку с подлокотника взял оружие. Сверкнув, оно пропало с ладони, и снова рука опустилась на подлокотник кресла.

Светлана, наблюдавшая за этой сценой, вскинула глаза полные удивления на Амона надеясь, что он объяснит происходящее. Но он поднявшись с колена, встал позади кресла.

Барон, поспешно вскочивший на ноги, пристроился по другую сторону.

Оперившись руками об эфес шпаги, Дорн медленно поднялся с кресла. Его низкий голос перекрывая шум бури, повис над океаном:

— Мы уходим. Но последний тост ещё прозвучит, восславляя Властелина Тьмы. Амон...

Амон приблизился к Дорну, в его руках блестела пузатая бутылка, залитая красным сургучом.

Юм, откуда-то достал поднос с пятью кубками. Заговорщицки подмигнув девушке, он весело сказал:

— Теперь, девочка попробует вино из погребов Амона. Оно лучшее во всем мире!

Амон, разливающий тёмное, почти чёрное вино по кубкам, что-то тихо прошипел. В ответ Юм громко возмутился:

— Но я же сказал правду! Впрочем, Светлана сейчас скажет своё мнение.

Наполнив кубок, Амон протянул его девушке, ободряюще подмигнул.

Барон подняв кубок, провозгласил тост: — «Во славу Властелина Тьмы и Теней!» Последовав за остальными, девушка глотнула вина. Оно было прекрасным, терпкое и чуть сладковатое, с привкусом трав и душистое как нектар, который пили греческие боги, иного сравнения девушка подобрать не смогла.

Она хотела высказать вслух своё мнение, но язык отказывался повиноваться. В глазах потемнело, выронив кубок она упала бездыханной. Одновременно с падением, корпус судна содрогнулся и изменился.

Деревянные борта стали более дряхлыми, мачты покосились, паруса обветшали и погнили. Исчезли ковры, а пол стал опасно хрупок, следы гниения щедро выступили на его поверхность.

Свита Дорна тоже изменилась. Амон сверкал сталью доспехов с накинутым поверх угольно-чёрным плащом. Барон, потеряв зеркальные очки, превратился в рыцаря, в своих неизменных фиолетовых одеждах. Юм стал юношей со спокойным отрешенным лицом и озорными глазами. Дорн был во всем чёрном и с его плеч ниспадал чёрный плащ с алым подбоем. Иногда плащ под порывом ветра отворачивался назад открывая взгляду длинную шпагу, что висела на боку Дорна. С периодичностью, похожей на биение сердца, по шпаге пробегали маленькие искры-молнии ярко-голубого цвета.

Амон, подскочив к девушке, приподнял и легонько подул в лицо.

Она пошевелилась, открыла глаза. Опираясь на руку села. Вопросительно посмотрела на Амона. Но он молча сняв золотой браслет, оставил её, снова заняв место возле Дорна.

Они выжидали.

Девушка встала на ноги и хотела уже подойти к Дорну, как яркий луч света пронзив толщу туч, устремившись с небес на Землю, остановил свой бег на её фигуре.

Светлым туманом окутал с ног до головы.

Сквозь него она смутно видела очертания Дорна и его свиты.

Луч света прямо-таки отрывал от земли, словно засасывая в огромную воронку. Ей было легко и спокойно, казалось, оттолкнись ногами и полетишь туда, к Создателю, к Свету.

Краем глаза девушка уловила движение, там, за лучом. Кто-то сделал несколько шагов, но Дорн остановил его движением руки.

И Светлана поняла, что стоит перед выбором, окончательным выбором.

Она приняла решение - шагнув из луча во тьму.

На мгновение, на другом конце света, ей показалось, что кто-то улыбнулся с любовью и поддержкой, одобряя сделанный выбор.

Луч медленно втянулся в тучи и исчез.

Девушка осталась одна.

Нет, не одна. Рядом стоял Князь Тьмы и его свита. Их горящие глаза с настороженностью взирали на неё. Но эта настороженность пропала, когда стал ясен её выбор. Она сменилась удивлением, а после, и уважение засияло в глазах нечистой силы. Но в глазах Амона, девушка прочла не только уважение, но и нежность.

Амон, шагнув вперед, вытащил из ножен свой кинжал.

Светлана с изумлением наблюдала, как сверкнув голубым светом, кинжал раздвоился. Теперь два одинаковых кинжала лежали на ладони Амона. Один он вложил в ножны, другой, держа в раскрытой ладони, протянул Светлане. Прежде чем она взяла его дар, он сказал:

— Возьми вместе с моей преданностью, — и лукаво вскинув на неё глаза, добавил: — и любовью...

Несколько неуверенно Светлана взяла кинжал, почувствовав, что он как живой откликнулся на прикосновение, будто в нём забилось маленькое сердце, в такт биению красные искры заплясали по зеркальному клинку.

Вложив кинжал в ножны Светлана обнаружила, что и её одежда внезапно преобразилась. Исчезли кофта и шорты. Теперь чёрное, длинное в пол, платье заменило их. На плечах такой же длинный плащ с серебристым подбоем и вышитый серебряными рунами.

Она с испугом оглянулась и отдернула руку, когда горячий язык коснулся её. Позади, весело припадая на лапы крутился Пёс, облизывая алым языком свои длинные клыки. Машинально потрепав по загривку, Светлана повернулась к Дорну. Он поманил рукой:

— Подойди дитя.

Дождавшись, когда она робея приблизилась, взял левую руку, где по-прежнему чернело клеймо, и наложил поверх свою ладонь.

Яркая вспышка света, и девушка посмотрев на печать увидела происшедшие изменения. Руны расступились, уступая место красочной короне, она венчала череп пронзённый кинжалом.

Подняв глаза, оглянулась и была поражена, увидев как вся свита Дорна, опустившись на левое колено, склонило головы приветствуя её в новом облиии.

Дорн, опустив руку на плечо, подвёл к носу судна.

Волны расступались перед кораблем, открывая тайны дна океана.

Поднявшись, свита встала позади.

— Царство Тьмы приветствует тебя, — низкий голос Дорна, казалось излучал тепло. — Пора тебе ознакомиться с моими владениями. Встать по левую руку от трона, там, где стоит демон-каратель. Вы нашли друг друга. И теперь подобно двум половинкам, составите единое целое. Отныне милосердие и возмездие будет идти вместе и вместе вершить правосудие. Создатель теперь может быть спокойным, его любовь достигнет отвергнутых и милосердие в моё царство принесёт его посланник.

Впереди разверзлась земля, и волны устремились в зияющую бездну увлекая за собой корабль.

Земля сомкнулась.

Океан взметнулся ввысь, поднимая гигантскую волну.

Цунами пронеслось по побережью Тихого океана, неся ужас и страдание.

Гроза утихла, но ещё нескоро успокоился океан.